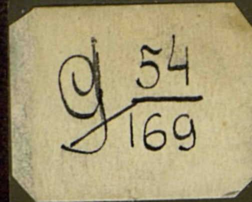
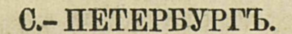

54
169

ЖИЗНЬ РУССКИХЪ И ИНОРОДЦЕВЪ НА ОСТРОВѢ САХАЛИНѢ.

(Очеркъ и замѣтки изъ девятимѣсячнаго дневника.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, 5.
1874.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 января 1874 года.

ЖИЗНЬ РУССКИХЪ И ИНОРОДЦЕВЪ НА ОСТРОВѢ САХАЛИНѢ.

(Очеркъ и замѣтки изъ девятимѣсячнаго дневника.)

Посвящается Е. В. Пеликану.

I.

Николаевскъ. — Переѣздъ на Сахалинъ. — Дуэ и наши посты на Сахалинѣ.

Въ 1871 году, по высочайшему повелѣнію, была назначена комисія на островъ Сахалинъ, для изслѣдованія условій каторжныхъ работъ. Мнѣ выпала доля участвовать въ этой коммисіи въ качествѣ медика. Такимъ образомъ, спеціальностію моею были гигіеническіе вопросы; но, занимаясь постоянно естественными науками, я также поставилъ себѣ цѣлію изученіе царствъ природы, особенно въ области ботаники. Путь отъ Перми до береговъ острова Сахалина (до 10 т. верстъ) былъ для меня непрерывною экскурсіею, которая, какъ извѣстно занимающимся ботаникою, достается не весьма легко. Но, не смотря на всѣ затрудненія, я вознагражденъ съ лихвою: мнѣ удалось собрать до 20,000 экземпляровъ растеній, принадлежащихъ къ отдѣльнымъ флорамъ. Столь значительный матеріалъ требуетъ еще научной разработки, къ которой я могу приступить только при болѣе благопріятныхъ для этого условіяхъ.

Преслѣдуя эту цѣль, я не упускалъ возможности всматриваться въ окружающую меня среду. Дневникъ, въ который я заносилъ свои впечатлѣнія, позволилъ мнѣ набросать нѣсколько строкъ, характеризующихъ жизнь русскихъ и туземцевъ на островѣ Сахалинѣ.

Выѣхавъ изъ Петербурга 15 іюня 1871 года, послѣ двухмѣсячнаго проѣзда, частію на почтовыхъ, частію на пароходахъ, а частію и на лодкѣ (слишкомъ 1,200 верстъ отъ С. Стрѣтенска до г. Благовѣщенска), я прибылъ въ г. Николаевскъ 25-го августа. Въ ожиданіи дальнѣйшаго слѣдованія на островъ Сахалинъ, мы должны были пробыть въ Николаевскѣ нѣсколько дней, т. е. до 2 сентября. Время это я посвятилъ ботаническимъ экскурсіямъ въ окрестностяхъ города и по краямъ р. Амура, а также ознакомленію какъ съ наружнымъ видомъ Николаевска, такъ и съ внутреннею его жизнію, насколько позволяло это весьма короткое время.

Николаевскъ основанъ въ 1851 году, а въ 1856 году сдѣланъ об-

ластнымъ городомъ Приморской области; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и портовой городъ. Постройки въ Николаевскѣ всѣ безъ исключенія деревянныя, некрасивыя; улицы проведены безъ всякаго плана, а поэтому и городъ на первый уже взглядъ не представляетъ ничего привлекательнаго. Домовъ считается до 600, и жителей до 5,000, изъ числа которыхъ женщинъ едва ли насчитается и 6-я часть. Большинство населенія составляютъ служащіе чиновники и нижніе чины военнаго сухопутнаго, военнаго морскаго и гражданскаго вѣдомствъ; за тѣмъ купцы, между которыми есть нѣкоторые изъ поселенцевъ, окончившихъ сроки ссылки, а нынѣ зажиточные уже люди и пользующіеся извѣстнымъ почетомъ; далѣе ссыльные и казаки. Относительно торговаго сословія въ Николаевскѣ бросается въ глаза то, что здѣсь почти каждый поселенецъ чѣмъ нибудь да торгуетъ и очень скоро наживаетъ деньги. По вѣроисповѣданію въ населеніи Николаевска замѣчается такая послѣдовательность: за исключеніемъ большинства православныхъ, самое большое число магометанъ, затѣмъ евреевъ, еще менѣе католиковъ, а самая незначительная цифра лютеранъ. Изъ числа главнѣйшихъ зданій находятся здѣсь: 1) соборная церковь (деревянная), выстроенная на небольшой площади, другая церковь госпитальная; 2) морской госпиталь съ находящеюся при немъ аптекою (вольной аптеки въ Николаевскѣ нѣтъ); 3) морское училище; 4) женская гимназія, учрежденная въ 1861 году; 5) школа телеграфнаго вѣдомства; 6) гостинный дворъ весьма скромной наружности; 7) клубный домъ, единственное мѣсто, гдѣ пріѣзжающій можетъ имѣть довольно плохой обѣдъ, за высокую цѣну; въ томъ же домѣ есть отдѣленіе, именуемое «благороднымъ собраніемъ». 8) На концѣ города, по правую его сторону, надъ самымъ Амуромъ, выдвигается впередъ адмиралтейство съ пильнымъ паровымъ заводомъ и механическимъ заведеніемъ, и наконецъ 9) есть въ Николаевскѣ и библіотека для гг. морскихъ офицеровъ.

Николаевскъ построенъ на небольшой возвышенности лѣваго берега р. Амура, недалеко отъ впаденія этой рѣки въ Татарскій проливъ [1]). По обѣимъ сторонамъ и позади города тянутся волнообразныя довольно высокія горы, покрытыя лѣсомъ, состоящимъ по преимуществу изъ хвойныхъ породъ; между этими горами кое-гдѣ выдвигаются болѣе возвышенные холмы конической формы. Лицевую часть города омываетъ р. Амуръ, довольно широкая въ этомъ мѣстѣ и постоянно волнующаяся, противоположный (т. е. правый) берегъ, который окруженъ живописными; по разнообразію формъ, горами, тоже покрытъ довольно густымъ лѣсомъ. Подъ городомъ, на этомъ пространствѣ Амура, стоятъ русскія суда различныхъ наименованій, въ разстояніи отъ города $1\frac{1}{2}$ версты и болѣе, а ближе къ городу, около пристаней—амурскіе пароходы и лодки рыболововъ: манджурскія, гилякскія, орочонскія, гольдовъ и русскихъ поселенцевъ. Набережная городъ, во время нашего прибытія на пароходѣ Ингода, была весьма оживлена занятіями рыболововъ, привезшихъ для

---

[1]) 35 верстъ отъ устья.

сбыта рыбу въ громадномъ количествѣ, которой кучи находились не только на пристани, но и по берегу рѣки на большомъ пространствѣ. Преимущественно продавалась кита.—*Кита*, или правильнѣе *кета* (Salmo lagocephalus) изъ Татарскаго пролива, идетъ въ несмѣтномъ количествѣ чрезъ лиманъ въ р. Амуръ. Ловъ ея начинается въ первыхъ числахъ іюля и продолжается до половины октября Величина ея болѣе трехъ четвертей аршина, вѣсомъ она отъ 15-ти до 20 фунтовъ. Голова продолговатая, плоская, небольшая; носъ крючкомъ; тѣло плоское, мясо блѣднокрасное, а иногда почти бѣлое, шелуха мелкая, бѣлая; спина зелено-черноватая, бока и брюхо серебристаго цвѣта. По кожѣ нѣтъ никакихъ пятнушекъ; этимъ она отличается отъ *горбуши* (Salmo Proteus) и *нярки* (Salmo Lycaodon), которой обильный ловъ бываетъ особенно въ половинѣ іюня. Чешуя на послѣдней крупнѣе чѣмъ у кеты, а притомъ круглая и легко отдѣляется отъ кожи; спина синеватаго цвѣта, съ багровыми, темными пятнушками; мясо краснѣе чѣмъ у семги. Приготовляемая изъ нярки *юкула*, хотя и пріятная вкусомъ, но скоро горкнетъ, особенно если во время ея вяленія случаются большіе туманы, которые очень часто образуются на Амурѣ. Поэтому-то гиляки и прочіе туземцы предпочитаютъ приготовленіе юкулы изъ кеты, которой дѣлаютъ большіе запасы, какъ для пищи себѣ, такъ и для корма своихъ собакъ. Кета здѣсь въ большомъ употребленіи: ее ѣдятъ свѣжею, приготовляя разныя кушанья, ее коптятъ и вялятъ; въ первомъ случаѣ она напоминаетъ осетровый балыкъ, только не жирный, во второмъ—носитъ названіе юкулы. Юкула же приготовляется самымъ простымъ образомъ, посредствомъ вяленія свѣжей кеты на открытомъ воздухѣ, развѣшивая разрѣзанную по поламъ вдоль брюха до головы рыбу на веревкахъ около домовъ, отъ чего нерѣдко во время провяливанія рыба эта, подвергаясь порчѣ отъ недосмотра, издаетъ весьма непріятный запахъ, слышный даже издали. Киту въ Николаевскѣ на пристани продаютъ на сотни; цѣна ей различная (т. е. не всегда одинаковая) и опредѣляется болѣе или менѣе обильнымъ ловомъ ея, а слѣдовательно зависитъ и отъ количества ея, привозимаго для сбыта. При обиліи кеты, за сотню платятъ 3 и 2 руб.; самая высокая цѣна доходитъ до 10 руб., что случается очень рѣдко. Бываетъ же и то, что послѣ утренней распродажи цѣна на ее падаетъ, за недостаткомъ покупателей, и подъ вечеръ сотню киты можно купить за 1 руб. серебромъ.

Во главѣ николаевскихъ купцовъ, по обширности торговли, стоятъ: Людорфъ и братья Дикманнъ, имѣющіе собственные свои суда. Они ведутъ торговлю съ Гамбуромъ, откуда получаютъ все, начиная съ дамскихъ головныхъ уборовъ, шелковыхъ и шерстяныхъ матерій и оканчивая желѣзными издѣліями и готовою мебелью. Изъ оптовыхъ ихъ магазиновъ развозятъ изъ Николаевска товары по всему Амуру, а также сбываются на мѣстѣ другимъ купцамъ. Розничная же продажа производится у нихъ на дому. Кромѣ вывозной изъ Гамбурга торговли, они еще ведутъ торговлю ввозную, имѣя своихъ агентовъ по всему Амуру и на островѣ Сахалинѣ, закупающихъ по дешевымъ цѣнамъ у гиляковъ;

орочонъ, тунгузовъ и якутовъ пушнину, которая доставляетъ имъ большіе барыши. Другіе же купцы, какъ напр. Коппъ и К°, получаютъ товары изъ Америки, преимущественно же съѣстные продукты, какъ-то: пшеничную муку, рисъ, сахаръ, кофе, различные презервы и консервы, а также калифорнскія вина, алкоголь (въ четырехугольныхъ, герметически закрытыхъ жестянкахъ), портеръ, превосходный лимонадъ въ порошкѣ, табакъ, матеріи для платьевъ и пр. Всѣмъ этимъ привознымъ товарамъ назначена весьма доступная цѣна, за исключеніемъ съѣстныхъ припасовъ, но и эти послѣдніе кажутся дешевыми въ виду высокихъ цѣнъ на мѣстные съѣстные продукты, добываемые на мѣстѣ, или же получаемые изъ Забайкалья. Для наглядности приведу цѣны тѣмъ и другимъ; въ нихъ я убѣдился лично, дѣлая заготовленіе всего необходимаго на нѣсколько мѣсяцевъ, для предстоящей жизни на островѣ Сахалинѣ: 1) копченая ветчина 50 коп. за фунтъ; 2) копченые языки (олены) 75 к. за ф.; 3) манная крупа 50 к. за ф.; крупичатая мука 4 р. за пудъ; 5) американскіе сухари, называемые пикникъ, 30 к. за ф.; 6) тоже американскіе сухари, круглые, плоскіе, 20 к. за ф.; 7) чай 1 р. 80 к. за ф.; 8) сахаръ (американскій) отъ 14 до 17 р. за пудъ; 9) вермишель 50 к. за ф.; саго 50 к. за ф.; 11) пшено 1 р. 25 к. за пудъ; 12) черный перецъ 40 к. за ф.; 13) лавровый листъ 50 к. за ф., 14) мѣшечекъ бѣлой саги вѣсомъ въ $2\frac{1}{2}$ до 3 ф. 40 к.; 15) джину бутылка 80 к.; 16) американскій табакъ 20 р. за пудъ; 17) манджурскій табакъ 10 р. за пудъ; 18) крахмалъ 40 к. за ф.; 19) пудъ говядины стоитъ 17 и 18 р. (въ случаяхъ же очень рѣдкихъ бываетъ отъ 8 до 12 р.); 20) солонины 7 р.; 21) коровьяго масла отъ 30 до 40 руб. и болѣе (во Владивостокѣ 100 р.); 22) сала свинаго въ продажѣ вовсе нѣтъ; 23) пудъ муки ржаной 2 р.; 24) одинъ баранъ отъ 10 до 13 р.; 25) корова (посредственная) отъ 60 до 70 р. и болѣе, 26) быкъ (въ 8 пуд. вѣсу) въ покупкѣ для казны 55 р.; въ частной продажѣ 90 р.; 27) поросенокъ (2-хъ недѣль) отъ 2 до 3 р.; 28) курица—1 р.; гусь—2 р. 50 к. до 3 руб.; 29) 100 шт. яицъ, зимою—15 р.; 30) пудъ меду—20 руб.; 31)—луку отъ 10 до 20 р. (смотря по привозу); хрѣну вовсе нѣтъ, 32) 100 кочней капусты отъ 8 до 10 р.; 33) 100 шт. соленыхъ огурцовъ 4 р.; 34) пудъ картофеля иногда доходитъ до 2 руб. 50 коп.; пудъ гречневой крупы 1 р. 25 коп.

На предметы, привозимые изъ Россіи (Петербурга, Москвы), налагаютъ чудовищныя цѣны, такъ напр., за одинъ мерзлый лимонъ (ихъ здѣсь только и продаютъ мерзлыми) надобно заплатить 1 рубль, а за игру картъ 3-го разбора—3 р.

Вообще здѣсь и помину нѣтъ о копѣйкахъ; мѣриломъ почти всего рубль. Платишь, положимъ, какому нибудь рабочему, за сдѣланную мелкую какую нибудь услугу 25 к. или полтинникъ, онъ прехладнокровно осматриваетъ эту подачу на ладони, поглядывая на васъ съ ироническою улыбкою, измѣряя при томъ глазами съ головы до ногъ и останавливаясь на сапогахъ, какъ бы на исходной точкѣ оцѣнки подавателю и, не кивнувъ даже въ знакъ благодарности головою, уходитъ, почесывая затылокъ. Съ лакеями же дѣло еще хуже. Прислуга чрезвычайно избалована.

Въ первый день прибытія моего въ Николаевскъ, прогуливаясь по улицамъ, съ цѣлью осмотрѣть городъ, я нечаянно наткнулся на продажу ягодъ малины подъ окномъ одного дома, небольшею поселенскою дѣвочкою; всѣ ягоды помѣщались на крошечной мелкой тарелкѣ; покупательница подала ей рублевую бумажку и не потребовала сдачи. А между тѣмъ, какъ я убѣдился на другой же день, во время ботанической экскурсіи, что малинника очень много, тутъ же за городомъ въ густыхъ кустарникахъ, и собираніе ягодъ не составляетъ большаго труда. Въ Николаевскѣ, кромѣ ягодъ малины, продаютъ: голубицу, брусницу, морошку, клюкву и рябину; затѣмъ никакихъ другихъ ягодъ, ни древесныхъ плодовъ, какъ-то: грушъ, яблокъ, сливъ, вишенъ вовсе нѣтъ [1]). Во всемъ городѣ нѣтъ ни березы, ни фруктоваго деревца. Небольшіе садики около домовъ состоятъ изъ одного клена, рябины, липы, сирени и пр. Палисадники передъ окнами нѣкоторыхъ домовъ украшены довольно хорошими цвѣтущими растеніями, принадлежащими по большей части амурской флорѣ, а также перенесенными изъ южно-уссурійскаго края.

Что же касается постройки домовъ, то она почти во всемъ городѣ произведена на живую нитку и притомъ изъ сыраго матеріала (сосна, пихта); поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе дома зимою очень холодны. Вѣтеръ дуетъ сквозь огромныя щели въ стѣнахъ, отъ плохой перекладки сырыхъ бревенъ мохомъ, дуетъ изъ подъ пола, дуетъ изъ подъ потолка, дуетъ изъ окошекъ, не хорошо осмоленныхъ и оконопаченныхъ. Холодъ въ такихъ домахъ усиливается еще болѣе во время малоснѣжной зимы, которая притомъ способствуетъ развитію простудныхъ и катарральныхъ болѣзней. При обильномъ снѣгѣ, дома эти защищены отъ сквознаго вѣтра и тогда въ нихъ теплѣе и заболѣванія въ городѣ меньше (снѣгу иногда бываетъ повыше крышъ). Кромѣ этого большаго неудобства, еще каждый домъ наполненъ тараканами, клопами, блохъ очень мало; крысъ же такое множество во всѣхъ домахъ, что отъ нихъ нельзя уберечь не только съѣстныхъ припасовъ, но и другихъ предметовъ изъ домашней утвари, которую затаскиваютъ въ норы, навлекая тѣмъ нерѣдко подозрѣніе на прислугу. Онѣ гнѣздятся и подъ поломъ и въ стѣнахъ, за обоями и даже на потолкѣ, а ночью буквально ходятъ по головамъ спящихъ людей. Въ этомъ я лично убѣдился, когда на обратномъ пути острова Сахалина, въ проѣздъ чрезъ Николаевскъ, надобно было провести двѣ ночи на квартирѣ.

Магазины николаевскихъ купцовъ не помѣщаются въ гостинномъ ряду; они устроены въ домахъ каждаго изъ нихъ, а какъ дома эти разбросаны по разнымъ улицамъ, слѣдовательно и магазины въ Николаевскѣ находятся на далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Большая однакожъ часть магазиновъ находится на главной улицѣ. Магазины эти ничѣмъ не отличаются отъ жилыхъ комнатъ, съ которыми и соединяются посредствомъ дверей, развѣ только болѣе значительными размѣрами; но за то

[1]) Привозятъ иногда изъ Китая, какъ разсказывали мнѣ, яблоки твердыя, малосочныя, безъ всякаго вкуса и притомъ мелкія; ихъ покупаютъ или десятками, или поштучно по 25 к. (иногда 15) за штуку.

они имѣютъ особенность, которой нельзя встрѣтить въ магазинахъ центральныхъ губерній въ Россіи, гдѣ каждый магазинъ заключаетъ въ себѣ одинъ какой нибудь отдѣлъ продаваемыхъ товаровъ. Здѣсь же, въ одномъ и томъ же магазинѣ, можно получить все, что только нужно, такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ содержится одинаковый запасъ самыхъ разнородныхъ предметовъ для продажи; здѣсь все перемѣшано вмѣстѣ: чай, сахаръ, солонина, табакъ, свѣчи, дамскіе уборы, разныя галантерейныя вещи, мука, крупа, соль, дамская и мужская обувь, масло, ветчина, сыръ, икра, бумага, готовыя дамскія платья, консервы, презервы, изящныя китайскія сахарницы и японскіе ящики для дамскихъ работъ, американская клеенка громадныхъ размѣровъ, сардинки, селедки, мыло, соболиныя и лисьи шкурки, легкая французская матерія для бальныхъ платьевъ, портеръ, джинъ, американскіе топоры и другія желѣзныя издѣлія, половыя щетки и пр. Все это на первый взглядъ и покажется странно, но очень выгодно для покупателя, которому пришлось бы тратить много времени для отысканія нужной для него вещи. По моему это придумано умно, и подобная продажа распространена и усвоена всею почти восточною Сибирью.

Въ Николаевскѣ лошадей мало, онѣ всѣ небольшаго роста, но сильныя и сносныя къ скорой и продолжительной ѣздѣ; въ одну упряжку можно на нихъ дѣлать по 100 верстъ. Такихъ лошадей держатъ и чиновники и купцы. Въ Николаевскѣ ѣздятъ по большей части на одноколкахъ, въ одну лошадь, безъ кучера, не исключая и дамъ. Пріѣзжающій или пріѣзжающая куда нибудь съ визитомъ, оставляетъ лошадь съ экипажемъ на улицѣ вовсе не привязанную: лошадь такъ пріучена, что можетъ простоять такъ и цѣлыя сутки, не тронувшись съ мѣста.

Такъ какъ Николаевскъ есть самый близкій отъ Сахалина (до 500 верстъ отъ поста Дуэ), съ которымъ находится въ сношеніяхъ, то конечно мнѣ желательно было запастись кой-какими свѣдѣніями; я узналъ, что отъ сентября до половины декабря (а иногда и до конца мѣсяца) прекращается всякое сообщеніе между Николаевскомъ и Сахалиномъ. Во второй половины декабря отправляется на собакахъ первая почта на Сахалинъ, которая только на 16-й день, а иногда на 12-й приходитъ въ постъ Дуэ. Постъ этотъ есть самый ближайшій пунктъ на островѣ отъ Николаевска; постъ Корсаковскій на югѣ острова (въ Анивѣ) лежитъ въ 800 в. отъ Николаевска, а постъ Муравьевскій еще дальше. Суда не ходятъ на Сахалинъ изъ Николаевска уже съ половины сентября. Амуръ замерзаетъ поздно, а Татарскій проливъ еще позже, такъ что въ послѣднихъ только числахъ декабря становится хорошая зимняя дорога, удобная для ѣзды на партахъ, по направленію на Сахалинъ и по рѣкѣ Амуру, до Маріинска, Софійска, Хабаровки, Благовѣщенска и до Стрѣтенска, откуда уже начинается почтовое сообщеніе, совершенно удобное, правильное и постоянное. Осенніе мѣсяцы (сентябрь и октябрь) въ Николаевскѣ очень хорошіе, теплые, ясные.

1-е сентября 1871 года, въ 4 часа по полудни, перешли мы на клиперъ «Гайдамакъ», стоявшій, на рейдѣ, которому слѣдовало сдѣлать об-

ратный рейсъ въ Кронштадтъ. На клиперѣ отведены были очень удобныя мѣста всѣмъ лицамъ экспедиціи. На другой день мы снялись съ якоря, въ два часа по полудни. Здѣсь я былъ удивленъ такою стройностію, порядкомъ, пониманіемъ всѣми и каждымъ изъ лицъ принадлежащихъ къ клиперу своихъ обязанностей, тишиною и дисциплиною,—что все вниманіе мое было сосредоточено на распоряженіяхъ командира клипера, капитана 2 ранга г. Колтовскаго, котораго распоряженія, дѣлаемыя непринужденно и спокойно, а при томъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, безошибочно можно сравнить съ ключемъ заводящимъ часы. Къ чести г. Колтовскаго слѣдуетъ отнести и то, что матросы имѣютъ здоровый и бодрый видъ, и при томъ чисто одѣты; одежду же ихъ составляли: синяя рубашка съ отложнымъ, широкимъ воротникомъ,нижнее суконное платье, форменная фуражка и сапоги. Всѣмъ выходящимъ на палубу запрещается курить табакъ и всѣ должны быть въ шапкахъ, что строго соблюдается и матросами. Чистота и опрятность безукоризненны во всемъ.

По снятіи съ якоря 3 сентября, пройдя 12 верстъ, остановились на ночлегъ въ укрѣпленіи Чныррахъ, такъ какъ въ это время было равноденствіе и Амуръ сильно волновался; но какъ еще было далеко до ночи, то, по просьбѣ нѣкоторыхъ изъ пассажировъ, командиръ клипера отрядилъ шлюбку къ берегу, для обозрѣнія и прогулки. Я тоже воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать ботаническую экскурсію, и успѣлъ собрать нѣсколько растительныхъ видовъ приморской флоры, довольно впрочемъ скудной въ этой мѣстности, на горахъ, покрытыхъ не частымъ лѣсомъ, состоящимъ преимущественно изъ сосны небольшаго роста, съ примѣсью пихты, ели и березы. Во многихъ мѣстахъ пройденнаго мною пространства, я встрѣчалъ тундры на значительныхъ даже возвышеніяхъ, покрытыхъ обильно багульникомъ Ledum palustre var latifolium. Всѣ почти растенія были отцвѣтшія. На слѣдующій день къ ночи брошенъ былъ якорь въ открытомъ морѣ (Татарскаго пролива), а 4-го сентября вечеромъ мы прибыли въ заливъ де-Кастри. Здѣсь клиперъ простоялъ два дня—5-е и 6-е сентября, по причинѣ сильнаго волненія Татарскаго пролива, какъ и въ предшествовавшіе дни нашего пути, причинившаго нѣкоторымъ изъ пассажировъ морскую болѣзнь, вслѣдствіе сильной качки; во второй же день (6 сентября) хотя было и тихо, но море еще совершенно не установилось: этимъ-то объяснилась причина раннихъ остановокъ клипера на ночлеги,—ибо въ это время на Татарскомъ проливѣ внезапно поднимаются штормы: мы застали въ Де-Кастри нѣсколько судовъ, шедшихъ съ провизіею въ постъ Дуэ и простоявшихъ уже двѣ недѣли, въ ожиданіи безопаснаго времени къ отплытію. Не смотря однакожъ на столь частыя и продолжительныя остановки и тревожное плаваніе, никто не могъ пожаловаться не только на недостатокъ на клиперѣ хорошей провизіи, но даже на недостатокъ винъ и лакомствъ, потому что обѣдъ, состоящій обыкновенно изъ 4-хъ здоровыхъ, сытныхъ и хорошо приготовленныхъ блюдъ, сопровождался еще разными закусками и десертомъ, а въ обыкновенное время подавались чай и кофе. Помѣщеніе на клиперѣ и столъ для всего состава экспедиціи нашей были казенные.

Съ 6-го на 7-е сентября, въ 12 часовъ ночи, мы снялись съ якоря и по истеченіи 10-ти часовъ остановились не вдалекѣ острова очень непривѣтливой и суровой наружности, котораго гористая мѣстность, покрытая лѣсами, имѣла угрожающій видъ необитаемой пустыни. И въ самомъ дѣлѣ, это первое непріятное впечатлѣніе породило первую мысль: обитаемъ ли островъ или нѣтъ? — признаковъ невидно, но вдругъ изъ какого-то ущелья показался дымъ,—и пассажирамъ объявлено, что это постъ Дуэ.—Судорожно сжалась грудь, подавленная какимъ-то тяжеломъ тревожнымъ чувствомъ и мысль блуждала между сдѣланнымъ уже утомительнымъ путемъ (12500 верстъ) и предстоящими лишеніями на этой дикой мѣстности. Крѣпко взгрустнулось мнѣ и по неволѣ взяло раздумье! Но усыпленная на минуту энергія проснулась снова при преобладающей мысли: вотъ обѣтованная земля!... и вотъ поприще для будущей дѣятельности, гдѣ я долженъ забыть и лишенія, и семью, а пожалуй даже и домъ Божій, а только, вооружившись стойкимъ терпѣніемъ, ожидать, какъ говорится, у моря погоды, чтобы благополучно возвратиться въ Россію. Но возвращусь къ дѣйствительности: клиперъ не подошелъ къ пристани по причинѣ постоянно взволнованнаго берега Татарскаго пролива около поста Дуэ, гдѣ часто внезапное появленіе порывистаго вѣтра, въ особенности NO угрожаетъ судну выброшеніемъ на берегъ, что испыталъ на себѣ «Гайдамакъ» нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Бывали и такіе случаи, какъ разсказывали мнѣ, что вышедшее изъ Де-Кастри судно должно было возвращаться обратно по нѣсколько разъ, не видя никакой возможности подойти къ посту, то за противнымъ вѣтромъ, то за густымъ туманомъ, недозволяющимъ разсмотрѣть мѣстность береговъ острова. Поэтому и нашъ клиперъ, бросивъ якорь въ двухъ верстахъ отъ берега, противъ каменно-угольныхъ копей, отправилъ насъ на шлюбкахъ до пристани поста Дуэ.

Постъ Дуэ, или Дуи, лежитъ на мысѣ того же названія, въ средней части острова Сахалина, на западномъ его берегу, между 51 и 52° сѣверной широты (ближе къ 51°) и расположенъ въ довольно обширной пади, какъ на плоскости ея, такъ и на боковыхъ уступахъ горъ, окружающихъ падь съ сѣверной стороны; съ южной же стороны тянется цѣпь болѣе высокихъ и отвѣсныхъ горъ, покрытыхъ тайгою (лѣсомъ), гдѣ нѣтъ никакихъ построекъ. Падь эта начинаясь отъ берега Татарскаго пролива ровною мѣстностью, идетъ въ прямомъ направленіи внутрь острова, къ востоку, и, расширившись въ небольшую площадь у подошвы горы, называемой здѣсь *сопкою* (гора, имѣющая коническую форму и широкое основаніе), поворачиваетъ въ лѣво къ сѣверовостоку, и немного въ право—къ востоку, раздѣляясь такимъ образомъ на двѣ вѣтви: *сѣверовосточную* и *восточную*. На уступахъ горъ первой вѣтви, почти у самаго ихъ основанія, построены небольшіе домики ссыльно-поселенцевъ, и эта мѣстность называется *Слободкою*; вторая же вѣтвь (восточная), на плоскости которой выстроены недавно двѣ казармы для ссыльно-каторжныхъ (одна для мужчинъ, другая для женщинъ) съ необходимыми службами, углубляется въ тайгу, занимающую большія

пространства, удаляясь внутрь острова по направленію къ востоку и югу.

Образовавшаяся отъ расширенія главной пади впереди сопки небольшая площадь имѣетъ неправильное, четырехугольное очертаніе; она замѣтно возвышена отъ стороны сѣвера, но вмѣстѣ съ тѣмъ и топкая отъ постояннаго стока родниковъ изъ горъ, такъ что для удобнаго прохода по этой возвышенной мѣстности положены довольно толстыя и широкія доски, но и тѣ очень скоро утопаютъ въ грязи. Со стороны востока, площадь эта отдѣлена отъ основанія сопки небольшимъ ручейкомъ, берущимъ свое начало въ горахъ, расположенныхъ за Слободкою. онъ протекаетъ чрезъ площадь съ сѣвера на югъ и соединяется съ другимъ ручьемъ, котораго русло гораздо шире. Этотъ послѣдній образовался изъ множества родниковъ, скрытыхъ въ горахъ съ восточной стороны поста и, проходя извилисто все протяженіе восточной вѣтви, покрытое преимущественно тальникомъ, по направленію къ западу, вливается въ Татарскій проливъ. Отъ соединенія этихъ двухъ ручьевъ, по правой сторонѣ сопки образовалась небольшая дельтообразная площадка, на которой построена гауптвахта. На ручьяхъ подѣланы небольшіе мосты, одинъ противъ сопки въ близкомъ отъ нея разстояніи, другой за гауптвахтою; отъ этого послѣдняго начинается плотина, ведущая къ казармамъ ссыльно-каторжныхъ.

Входъ въ постъ Дуэ,—прямо съ пристани, отъ которой и начинается главная улица поста; она довольно широкая, но топкая, почему по обѣимъ ея сторонамъ прорыты вдоль канавы и подѣланы возвышенные настилки изъ досокъ. Она ведетъ прямо къ площади, оканчиваясь съ лѣвой стороны постовымъ лазаретомъ, а съ правой квартирою начальника поста. Постройки на лѣвой сторонѣ этой улицѣ слѣдующія: 1) собственный домъ купца Попова, имѣющаго тутъ же въ домѣ и лавку; 2) небольшой, довольно старый домикъ, въ которомъ помѣщалась прежде кухня и пекарня для ссыльно-каторжныхъ, когда не были еще выстроены для нихъ казармы совершенно отдѣльныя; 3) казармы для постовой команды съ необходимыми позади нея службами, и 4) постовой лазаретъ на 15 больныхъ, въ которомъ помѣщается и аптека и квартира лекаря дуйской постовой команды. Всѣ эти зданія выстроены въ одну прямую линію на плоскости. Повыше ихъ, на уступахъ горъ, есть еще нѣсколько домовъ, принадлежащихъ къ главнѣйшимъ постройкамъ поста, а именно: на самомъ краю высокаго обрывистаго берега, издали бросается въ глаза, по оригинальной архитектурѣ своей, домъ завѣдующаго ссыльно-каторжными Приморской области подполковника Романовича. Фронтовая часть дома несоразмѣрно высокая и узкая, въ два этажа, а притомъ укрѣпленная длинными подпорками, для безопасности отъ паденія, — уродливо торчитъ впереди остальной части дома длинной черезчуръ въ сравненіи съ вышиною, такъ что цѣлость этой постройки, смотря на нее издали и съ разныхъ сторонъ, представляется въ различныхъ видахъ и напоминаетъ собою мечеть, синагогу, крошечный пивоваренный заводъ и другія неразгаданнаго назначенія постройки; съ улицы же смотритъ насто-

ящимъ голубятникомъ. Повыше и пониже этого оригинальнаго зданія, на недалекомъ отъ него разстояніи, стоитъ по одному поселенскому домику, носящему на себѣ печать крайней нищеты и разрушенія. Около нихъ огороды, чуть ли не въ аршинъ всего, какъ въ длину, такъ и въ ширину. Направо отъ дома завѣдывающаго ссыльно-каторжными, шагахъ въ двадцати, на уступѣ горы, образующемъ небольшую, узкую площадку, стоятъ рядомъ два дома для квартиръ штейгеровъ горнаго вѣдомства и смотрителя ссыльно-каторжныхъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, въ одной линіи,—домикъ дѣлопроизводителя ссыльно-каторжныхъ. Ко всѣмъ домамъ съ главной улицы проложена узкая тропинка, снабженная деревянными ступеньками, по которой зимою и во время гололедицы нѣтъ возможности взобраться на гору.

Съ правой стороны улица начинается: 1) стоящими рядомъ другъ возлѣ друга двумя амбарами, для склада вещей, провизіи и прочей рухляди, принадлежащей ссыльно-каторжнымъ; они стоятъ на столбикахъ вышиною болѣе чѣмъ въ аршинъ. 2) Тутъ же рядомъ постройка, похожая на амбаръ, состоящая изъ одной большой и свѣтлой комнаты (сѣней нѣтъ; входъ прямо съ улицы), гдѣ содержатся околодочные выздоравливающіе больные изъ ссыльно-каторжныхъ, а также больные съ легкими, наружными поврежденіями, не требующія больничнаго леченія. 3) Кухня постовой команды; за нею, нѣсколько саженей пустопорожняго мѣста, по срединѣ котораго, на одной линіи съ постройками, стоитъ пушка небольшаго калибра, давнымъ давно выслужившая срокъ, вся покрытая ржавчиною, какъ бы сѣдинами старости, но все-таки угрожающая своимъ дуломъ, направленнымъ въ хребты противоположныхъ горъ. Она предназначена для исполненія своей обязанности, три раза только въ годъ, а именно: 1) дѣлать одинъ выстрѣлъ при наступленіи новаго года, ровно въ 12 часовъ ночи; 2) три или больше выстрѣловъ; на Крещеніе, въ 9 часовъ утра, или около того времени, т. е. въ ту именно пору, когда обыкновенно бываетъ въ Россіи троекратное погруженіе Креста въ Іорданѣ, и 3) во время заутрени Свѣтлаго праздника въ семъ послѣднемъ случаѣ число выстрѣловъ не опредѣляется положительною цифрою; оно зависитъ какъ отъ усмотрѣнія начальника поста, такъ и отъ вдохновенія его дѣлопроизводителя, штабсъ-капитана Повало-Швейковскаго. 4) Домъ начальника поста съ небольшимъ около него палисадникомъ и 5) домъ для прислуги начальника поста, въ которомъ имѣется отдѣльная комната для субалтернъ-офицера и отдѣльное помѣщеніе для кухни.

Позади этихъ домовъ на остальномъ пространствѣ плоскости находятся постройки различныхъ формъ и величины и стоящія гдѣ попало, смотря по удобности мѣста: мастерскія, кузницы, малая избушка, гдѣ выдѣлываютъ кирпичъ, частныя кладовыя, погребъ, ледникъ, конюшня для трехъ четырехъ, казенныхъ лошадей горнаго вѣдомства; сарай для собакъ постовой команды, употребляемыхъ зимою для перевозки почтъ въ Николаевскъ, небольшое строеніе, названное богадѣльнею, гдѣ помѣщаются дряхлыя старухи изъ ссыльныхъ, окончившихъ сроки каторги;

на болѣе же пространномъ и открытомъ мѣстѣ построена для солдатъ гимнастика, которой обучаетъ самъ начальникъ поста. Кромѣ того на самомъ краю поста, у самаго берега Татарскаго пролива, стоятъ уединенно полуразрушившіяся и оставленныя владѣльцами своими избушки, которыя вѣроятно когда-то принадлежали къ числу первыхъ построекъ при начальномъ населеніи поста Дуэ. На одной линіи съ этими развалинами, при впаденіи ручья въ Татарскій проливъ, т. е. на набережной противъ пристани, построенъ амбаръ, принадлежащій постовой командѣ; крыша его выкрашена кирпичнаго цвѣта краскою, почему онъ первый изо всѣхъ строеній бросается въ глаза уже издали, и видъ его, безъ преувеличенія скажу, смягчаетъ отчасти то непріятное впечатлѣніе, которое производитъ первый взглядъ на угрюмую обстройку поста.

Начинающаяся отъ главной улицы *площадь* обстроена такимъ образомъ: пройдя улицу и миновавъ домъ начальника поста въ прямомъ направленіи, съ правой стороны площади стоятъ три дома не далеко другъ отъ друга: *первый* казенный (вновь выстроенный), названный канцеляріею горнаго вѣдомства, гдѣ помѣщается и старшій инженеръ А. П. Кепенъ; *второй* домъ младшаго инженера (собственный), несовершенно еще конченный, и *третій* домъ поселенца, отдаваемый въ наемъ. По лѣвую сторону площади, у основанія покатой горы, стоитъ, прислонившись къ ней, небольшая избушка (объ одной комнатѣ), предназначенная для фельдшера дуйской постовой команды. Избушка эта была моей квартирою въ продолженіе девяти мѣсяцевъ. Въ двухъ шагахъ за нею, въ особой оградѣ, находится домикъ поселенца Спички, торгующаго въ Дуэ разною мелочью и получающаго громадные барыши; передняя стѣна этой ограды, протянутая къ сопкѣ, заполняетъ остальную часть лѣвой стороны площади. — Сопка дѣлаетъ изъ себя натуральную стѣну для площади съ востока, и расположена противъ западной линіи площади, состоящей изъ задняго фасада постоваго лазарета съ принадлежащими къ нему постройками.

На уступахъ сопки, обращенныхъ къ югу, находится нѣсколько поселенскихъ домиковъ, довольно уже старыхъ, покосившихся, и притомъ съ продыравленными крышами, гдѣ нанимаютъ квартиры жены нѣкоторыхъ солдатъ постовой команды. - Повыше этихъ избушекъ, на склонахъ сопки замѣчаются клочки обработанной земли, занятые огородами, за которыми еще немного повыше устроено кладбище для лицъ христіанскихъ исповѣданій; покойниковъ же иныхъ исповѣданій (магометанъ, евреевъ), хоронятъ по другую сторону горы. Напротивъ этой мѣстности, немного правѣе (къ востоку), построены въ восточной пади казармы для ссыльно-каторжныхъ, между двумя хребтами громадныхъ горъ. Напротивъ казармъ, у подошвы горы, находится старая уже постройка въ родѣ жилаго дома, имѣющая два отдѣленія, разъединенныя посредствомъ сѣней; въ одномъ изъ нихъ баня, въ другомъ—столярная.

Слободка, занимающая всю сѣверовосточную падь и расположенная на уступахъ отлогихъ горъ, образующихъ собою вогнутую дугу, лежитъ какъ бы въ котловинѣ, защищенной съ трехъ сторонъ горами; съ чет-

вертой же стороны есть свободный проходъ отъ площади. Во всю длину плоскости протекаетъ ручей, на которомъ устроенъ мостикъ для перехода поперекъ Слободки съ одной стороны на другую. Лѣвая сторона Слободки (отъ входа съ площади), обстроенная нѣсколькими поселенскими домиками, расположенными на уступахъ горъ и имѣющими позади небольшіе огороды, — начинается домомъ поселенца Стишки и оканчивается вновь произведенною постройкою для кухни и прачешной больницы ссыльно-каторжныхъ, стоящей на противоположной сторонѣ, у самаго основанія сопки. Постройка эта, полуотдѣланная на скорую руку, болѣе трехъ мѣсяцевъ служила квартирою для предсѣдателя нашей коммисіи В. И. Власова и для графа А. П. Баранова. Больница ссыльно-каторжныхъ, устроенная на 15 человѣкъ, окончена только въ 1870 году; она очень удобная, сухая, свѣтлая и содержится въ отличномъ порядкѣ завѣдующимъ ею врачемъ дуйской постовой команды Н. Зражевскимъ. Посрединѣ Слободки на плоскомъ мѣстѣ стоитъ небольшая деревянная часовня и при ней постройка въ видѣ кладовой, гдѣ обыкновенно ставятъ тѣла какъ умершихъ солдатъ постовой команды, такъ и ссыльно-каторжныхъ. Въ часовнѣ службы не бываетъ за неимѣніемъ священника.

Въ небольшомъ разстояніи отъ пристани (четверть версты) къ сѣверу, на обрывистомъ берегу высокихъ горъ, находится довольно обширная ровная мѣстность; на ней построенъ маякъ и при немъ два дома: одинъ для начальника маяка (изъ числа морскихъ офицеровъ), другой для его малочисленной команды. Тутъ еще выстроена небольшая баня. Всѣ вообще постройки въ посту Дуэ деревянныя, ветхія и большею частію построенныя на скорую руку изъ сырого матеріала (пихты), а потому и довольно холодныя. Каждый домъ обнесенъ кругомъ насыпью земли, туго набитой и удерживаемой деревянною связью изъ жердей, досокъ или плетня. Трубы на домахъ по большой части выведены на задней сторонѣ, ниже уровня крыши такъ, что ихъ спереди совершенно не видно. Внутренность домовъ не отличается особенною опрятностію и чистотою; вездѣ множество таракановъ, прусаковъ, клоповъ, мышей и въ особенности крысъ; блохъ мало. Порода здѣшнихъ мышей составляетъ особый видъ, совершенно различный отъ европейскихъ: рыльце ихъ чрезвычайно узкое; онѣ очень малы и не оказываютъ той быстроты въ движеніяхъ, какою обладаетъ наша обыкновенная домашняя мышь, не боятся людей и легко приручаются. Цвѣтъ ихъ кожи — темнорыжій — мышей этихъ я встрѣчалъ очень часто въ дуплахъ деревьевъ и въ норахъ, при древесныхъ корняхъ, какъ лѣтомъ такъ и зимою.

Берега острова Сахалина, на всемъ протяженіи мѣстности, занимаемой постомъ Дуэ, представляются попеременно то скалистыми, неровными, обрывистыми и отвѣсными, то отлогими, постоянно осыпающимися въ мѣстахъ обнаженныхъ, то выдвигающимися впередъ, то какъ бы вдавленными въ глубь острова. Неровности эти происходятъ отъ горныхъ хребтовъ и падей: горные хребты, развѣтвившись гдѣ-то далеко внутри острова змѣеобразно, направляются извилисто отъ востока къ

Татарскому проливу и тутъ по большой части скалистые хребты оканчиваются обрывистыми краями, выдвигаясь впередъ передъ прочими. Одинъ изъ такихъ хребтовъ образуетъ собою мысъ Ходжи (на право отъ п. Дуэ), отъ котораго, при господствующихъ штормахъ на морѣ и во время мятелей, зимою обрываются громадные куски скалы, загромождающіе проходъ, проложенный у самаго мыса. Такимъ образомъ отъ выдвинувшихся впередъ горныхъ хребтовъ съ сѣверной и южной стороны поста Дуэ образовались два береговые выступа, названные «мысами»: сѣверный мысъ называется «Жонкьеромъ», южный носитъ названіе «Ходжи». Подходя къ мысу Жонкьера отъ пристани, вблизи его на берегу Татарскаго пролива, находится скала, выдвинутая надъ поверхностью воды и имѣющая значительное углубленіе внутри, — ее называютъ здѣсь «воротами». — За мысомъ Жонкьера, повернувъ немного вправо, къ сѣверо-востоку, стоятъ тоже въ водѣ рядомъ другъ возлѣ друга, два массивные и высокіе камни, которымъ дано названіе «Два брата». Пройдя отъ этого мѣста неболѣе $^3/_4$ версты, по направленію къ востоку, видно нѣсколько гиляцкихъ юртъ, расположенныхъ на ровномъ, песчаномъ берегу острова; юрты эти въ настоящее время оставлены гиляками, удалившимися внутрь острова, въ надеждѣ отыскать болѣе прибыльныя и удобныя мѣста для своего звѣринаго промысла. Въ $2^1/_2$ верстахъ отъ гиляцкихъ юртъ, къ востоку, на довольно обширной равнинѣ, съ южной стороны окруженной горами и расположенной по обѣимъ сторонамъ рѣки Дуэ, впадающей въ Татарскій проливъ, находится земледѣльческая ферма Дуэ, заселенная ссыльными, окончившими срокъ каторжной работы.

Береговыя обнаженія между мысами Жонкьера и Ходжи, показываютъ преобладаніе глинистыхъ песчаниковъ, богатыхъ окаменѣлостями юрской формаціи: двустворчатыми, раковинами и аммонитами, которыхъ впрочемъ болѣе значительное количество отыскивается за мысомъ Жонкьера и въ 5 верстахъ за земледѣльческою фермою Дуэ, въ горахъ. Вблизи мыса Ходжи значительныя пространства песчаника, образующаго высокія, отвѣсныя горы,—заключаютъ въ себѣ громадное количество отпечатковъ, по преимуществу растительныхъ, какъ-то: отпечатки листьевъ, стеблей, стручковатыхъ плодовъ и колосьевъ, между которыми встрѣчаются и отпечатки небольшихъ раковинъ.

Къ сѣверу отъ поста Дуэ, между нимъ и мысомъ Жонкьера, гдѣ встрѣчается больше чѣмъ въ другомъ мѣстѣ перегорѣлыхъ песчаниковъ, тянутся громадные пласты каменнаго угля, имѣющіе направленіе отъ сѣвера къ югу и углубляющіеся внутрь острова къ востоку, какъ въ этомъ удостовѣрился, въ маѣ мѣсяцѣ 1872 г., старшій горный инженеръ г. Кепенъ, дѣлавшій развѣдки въ горахъ, расположенныхъ позади того мѣста, гдѣ нынѣ добывается каменный уголь. На всемъ томъ пространствѣ, гдѣ замѣчаются пласты каменнаго угля, а также и во многихъ другихъ мѣстахъ, попадается много *лигнита* въ кускахъ различной величины и не въ одинаковой степени образованія. Кромѣ того изрѣдка отыскиваются небольшіе куски *кокса*. Толщина пластовъ не вездѣ одинакова; качество его очень хорошее (по крайней мѣрѣ такой отзывъ

знатоковъ.)—При добываніи каменнаго угля, встрѣчаются очень частые сдвиги пластовъ, причиненные вѣроятно вулканическими сотрясеніями.

Вотъ краткій очеркъ вида поста Дуэ, въ отношеніи его застройки и наружныхъ его береговъ. Что же относится исключительно заселенной лишь мѣстности, находящейся въ пади, —то мѣстность эта представляется въ видѣ мрачнаго ущелія среди горъ, испещренныхъ пнями отъ вырубленныхъ деревъ и кое-гдѣ только покрытыхъ клочками тайги (лѣса), состоящей преимущественно изъ пихты и ели, полуизсохшихъ и полуобгорѣвшихъ отъ часто случающихся здѣсь паловъ. Въ ущельѣ этомъ постоянно царствуетъ гробовое молчаніе, котораго никогда почти не нарушаютъ ни голосъ птицы, ни жжужаніе насѣкомаго; по временамъ только вой и свистъ порывистаго вѣтра, какъ бы перекликивающагося съ морскимъ шумомъ и всплесками взволнованнаго берега Татарскаго пролива, —разгульно носится надъ этой жилою могилою, гдѣ заживо уже погребены выброшенные изъ общества люди, зачумленные порокомъ и отмѣченные клеймомъ преступленія. Угрюмая физіономія поста Дуэ принимаетъ болѣе суровый и мрачный видъ во время лѣтнихъ тумановъ и зимнихъ мятелей, называемыхъ *пургами*. Туманы, лѣтомъ преимущественно образующіеся на Татарскомъ проливѣ, наполняютъ постепенно всю Дуйскую долину, откуда, сгущенные на подобіе облаковъ или дыму, широкою лентою тянутся обыкновенно внутрь острова по направленію къ востоку или юговостоку, —рѣже къ сѣверу. Появляющіяся зимою пурги до того иногда бываютъ свирѣпы, что, по словамъ жителей, въ Дуйской пади, дѣлается тогда «настоящее свѣтопреставленіе»: среди совершенно яснаго дня вдругъ становится туманно, а затѣмъ совершенно темно. Неистово бѣснующійся вѣтеръ, стремительными порывами захватываетъ массы снѣга изъ горныхъ хребтовъ и запруживаетъ имъ всю падь; съ Татарскаго же пролива, отъ стороны пристани, несутся съ ревомъ вѣтра снѣжные столбы прямо на главную улицу поста, гдѣ они ложатся въ громадные сугробы, образуя изъ себя одну сплошную гору во всю длину улицы и покрывая собою всѣ на ней находящіяся строенія; въ довершеніе же этого, мельчайшая, снѣжная пыль, наметаемая во всѣ стороны взволнованнымъ воздухомъ, врывается въ малѣйшія отверстія жилыхъ домовъ. Тогда прекращается на время всякое движеніе въ посту Дуэ, пріостанавливаются работы на открытомъ воздухѣ, а о сообщеніи между домами и думать невозможно.

Однакожъ такое состояніе пурги бываетъ въ снѣжную только зиму и преимущественно въ то время, когда Татарскій проливъ отъ береговъ своихъ покроется сплошнымъ льдомъ на весьма далекое пространство. Зима, проведенная мною въ посту Дуэ съ 1871-го на 1872 годъ, принадлежала къ числу малоснѣжныхъ, а потому и на случавшіяся нѣсколько разъ пурги здѣшніе жители мало обращали вниманія, продолжая свои обычныя занятія на открытомъ воздухѣ. Я однакожъ два дня съ ряду не рѣшался выходить изъ квартиры, по причинѣ мятели, къ которой такъ равнодушно относились дуйскіе старожилы: буквально въ 3-хъ или 4-хъ шагахъ не видно было человѣка, занимавшагося рубкою дровъ на дворѣ;

шагу же нельзя было сдѣлать безъ того, чтобы не поворачиваться лицомъ то въ право, то въ лѣво, то обернуться спиною къ порывистому вѣтру, ослѣпляющему глаза хлопьями снѣга или снѣжною пылью. Хуже всего то, что при постоянныхъ поворотахъ тѣла очень скоро теряется соображеніе мѣстности и неизвѣстно куда идти.

Высказанный мною взглядъ на угрюмую физіономію поста Дуэ ничего не имѣетъ общаго съ взглядомъ на эту мѣстность въ отношеніи колонизаціи. Человѣкъ такъ созданъ, что легко свыкается съ окружающею его средою. Вся важность заключается въ благопріятныхъ условіяхъ къ жизни:— не вредный для здоровья климатъ, доброкачественная вода, необходимая пища и одежда,—вотъ все, что нужно для человѣка, поставленнаго въ исключительное положеніе; этимъ же всѣмъ потребностямъ, при содѣйствіи администраціи, удовлетворить можетъ не только одинъ постъ Дуэ, но и весь почти островъ, а въ особенности южная его полоса, такъ какъ и климатическія условія тому не препятствуютъ. Климатъ въ посту Дуэ суровѣе того, какой замѣчается въ южной полосѣ Сахалина. Морозъ рѣдко когда переходитъ за 25°, тогда какъ напримѣръ въ Пермской губерніи онъ достигаетъ 40 градусовъ; разница однакожъ состоитъ въ томъ, что при морозѣ въ 40° въ Пермской губерніи нѣтъ ни малѣйшаго колебанія въ воздухѣ, между тѣмъ какъ въ посту Дуэ, при постоянныхъ, почти круглый годъ, вѣтрахъ, морозы въ 25° становятся весьма чувствительными. Сентябрь и октябрь мѣсяцы бываютъ очень хорошіе, ясные и довольно теплые (относительно европейскихъ) съ изморозью по утрамъ. Здѣсь разводятся свекла, капуста, картофель, морковь, рѣпа и даже огурцы въ парникахъ, и, не взирая на весьма позднее появленіе весны и раннюю осень, все это поспѣваетъ во-время. Что же касается взгляда на климатъ съ точки зрѣнія гигіенической, то, на сколько убѣдился я лично въ продолженіе девятимѣсячнаго пребыванія на островѣ Сахалинѣ, и на сколько вѣрны заявленія врача дуйской постовой команды (находящагося въ Дуэ нѣсколько лѣтъ на службѣ) о безвредности климата, утвердительно могу сказать, что вліяніе климатическихъ условій не причинило до сихъ поръ никакого вреда здоровью здѣшняго населенія, и между жителями поста Дуэ никогда не появлялись эпидемическія болѣзни, за исключеніемъ развѣ ревматическихъ и катаральныхъ страданій; но и эти послѣднія вызываемы были, въ большей части случаевъ, несбереганіемъ себя отъ простуды. Всѣ за тѣмъ болѣзни, съ которыми поступаютъ въ больницу ссыльно-каторжные, и отъ какихъ лечатся на домахъ своихъ поселенцы, находятся въ прямой связи съ родомъ ихъ занятій, отчасти же съ прошлою ихъ жизнію, проведенною въ острогахъ. Такимъ образомъ: 1) Работы на открытомъ воздухѣ весною, а въ особенности осенью, въ сырую большею частію погоду, сопровождаемую сѣверовосточными, холодными вѣтрами, располагаютъ къ простуднымъ горячкамъ, ломотѣ и катаррамъ. Лѣтомъ чаще всего появляются поносы и воспаленія глазъ, чисто травматическаго свойства (отъ песчаной пыли). Зимою же, при продолжительныхъ мятеляхъ, случаются воспаленія легкихъ, ревматизмы, жаба и другія воспалительныя болѣзни.

2) Разработка каменнаго угля въ штольняхъ, гдѣ воздухъ, не взирая на устроенную вентиляцію, во первыхъ спертый, а во вторыхъ постоянно сырой отъ просачиванія воды сквозь почву,—гдѣ вывозка каменнаго угля изъ штольней производится почти ползкомъ по низкимъ и всегда мокрымъ коридорамъ, причиняетъ рабочимъ вереда, разнаго рода сыпи, ломоту ногъ и цынгу; у субъектовъ же, страдающихъ давно хроническимъ пораженіемъ легкихъ, пораженіе это усиливается и принимаетъ скоротечный характеръ. 3) Во время производства работъ, какъ на открытомъ воздухѣ, такъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, рабочіе подвергаются случайнымъ наружнымъ поврежденіямъ, какъ-то: ушибамъ, вывихамъ, переломамъ, порубамъ, порѣзамъ и пр., которые повторяются ежедневно и вездѣ, при работахъ, вызванные простымъ случаемъ, или собственною неосторожностію. За тѣмъ къ болѣзнямъ, зависящимъ отъ климатическихъ условій, можно отнести только катарры дыхательныхъ органовъ и ревматизмы.

Принявъ въ соображеніе, съ одной стороны, все вышеизложенное о климатическихъ условіяхъ, съ другой же анализируя ту мысль, что угрюмая мѣстность для человѣка, привыкшаго къ общежитію, въ теченіе многихъ лѣтъ будетъ самымъ тяжелымъ гнетомъ и заставитъ многія закоснѣлыя натуры чувствовать всю тяжесть наказанія и гнусность своихъ злодѣяній, нельзя не согласиться, что мѣстность поста Дуэ какъ нельзя болѣе для того пригодна. Она вполнѣ отвѣчаетъ и цѣли своего назначенія и видамъ правительства, избравшаго островъ Сахалинъ для ссылки, гдѣ для преступника заперты всѣ выходы крѣпкимъ и неподкупнымъ ключемъ, а именно вокругъ лежащимъ моремъ.

Начиная отъ поста Дуэ по направленію къ югу, находятся еще слѣдующіе посты: *Кусунай* и *Маука*; по восточному берегу острова: *Тихменевскій* (въ 20 верстахъ отъ него Аинское селеніе Тарайка), *Мануэ*, *Найбучи*, *Охчепохо*, въ *Аниву* — постъ *Корсаковскій* (рядомъ японское селеніе Касунъ Катанъ, мѣстопребываніе японскаго губернатора), *Чиписани* (рядомъ японское селеніе того же названія) и постъ *Муравьевскій*.

Сверхъ этихъ постовъ, устроены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ станціи, а именно: между Кусунаемъ и Мануэ находится станція *Смѣтанинская*; между Мануэ и Найбучи станція Отогано; между Найбучи и Корсаковскимъ постомъ—станція Такой.

II.

Населеніе Дуэ.—Ссыльно-каторжные и ихъ работы рудничныя, строительныя и земледѣльческія.—Служащіе и ихъ бытъ.—Сношенія русскихъ съ инородцами.

Большинство населенія въ посту Дуэ составляютъ: 1) ссыльно-каторжные, которыхъ въ 1871 году было около 550 человѣкъ, въ томъ числѣ въ 50 женщинъ. Къ нимъ слѣдуетъ причислить еще нѣсколько семействъ ссыльно-поселенцевъ, окончившихъ уже сроки каторги, и болѣе 10 женъ ссыльно-каторжныхъ, добровольно послѣдовавшихъ съ

дѣтьми за своими мужьями [1]). 2) Постовая команда для караула арестантовъ, состоящая изъ 200 нижнихъ чиновъ Восточно Сибирскаго линейнаго баталіона подъ завѣдываніемъ начальника поста, при которомъ состоятъ: два субалтернъ-офицера, и одинъ дѣлопроизводитель (военнаго вѣдомства). При командѣ находится врачъ (пользующій и ссыльнокаторжныхъ) и фельдшеръ. 3) Начальникъ дуйскаго маяка, изъ оберъ-офицеровъ морскаго вѣдомства, имѣющій подъ своею командою нѣсколько матросовъ. 4) Чиновники управленія по вѣдомству ссыльно-каторжныхъ, какъ-то: завѣдующій ссыльными всей Приморской области (полковникъ Романовичъ); при немъ состоятъ дѣлопроизводитель, бухгалтеръ и смотритель тюрьмы ссыльно-каторжныхъ; 5) чиновники горнаго вѣдомства: два инженера (старшій и младшій) и два штейгера; 6) представителемъ торговаго сословія находится въ посту Дуэ купецъ Поповъ, имѣющій здѣсь свой собственный небольшой домъ. Вообще, все населеніе въ посту Дуэ, включая и дѣтей, простирается до 800 человѣкъ.

Нижніе чины постовой команды помѣщаются въ казармѣ, построенной на лѣвой сторонѣ главной улицы поста; она довольно пространная и удобопомѣстительная, но не имѣетъ хорошей наружности; воздухъ въ ней немного сырой отъ того, что зданіе стоитъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ образовался стокъ воды изъ ключей, берущихъ свое начало въ близлежащихъ горахъ; вода постоянно накопляется въ подпольѣ, откуда струится постоянно въ канаву, проведенную вдоль улицы. Казарма состоитъ изъ трехъ комнатъ; первая занята вся постовою командою; во второй отведено (сверхъ команды) помѣщеніе для канцеляріи начальника поста [2]), а въ третьей, самой послѣдней,—въ переднемъ углу, помѣщенъ кіотъ съ образами, передъ которымъ стоитъ паникадило. Здѣсь-то, въ праздничные и торжественные дни, читаются молитвы и часы въ присутствіи нижнихъ чиновъ постовой команды и чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ.

Ссыльно-каторжные содержатся въ казармѣ, оконченной только въ декабрѣ мѣсяцѣ 1871 г. Устройство казармы хорошее, помѣстительное; воздухъ постоянно очищается достаточною вентиляціею, соблюдается надлежащая чистота, и въ отношеніи содержанія заведенъ строгій порядокъ. Жены ссыльно-каторжныхъ съ ихъ дѣтьми, добровольно послѣдовавшія за мужьями, живутъ въ лачужкахъ, построенныхъ на скорую руку ссыльнокаторжными, въ свободное отъ работы время.

Поселенцы, окончившіе срокъ каторги, имѣютъ собственные свои домики; всѣ почти обзавелись хозяйствомъ, а нѣкоторые успѣли даже сколотить небольшой капиталецъ, какъ напр. поселенецъ Спичка.

За тѣмъ всѣ чиновники, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, имѣютъ квартиры въ казенныхъ домахъ, въ которыхъ, въ случаѣ надобности, дѣлаютъ, на свой счетъ, разнаго рода починки и передѣлки.

---

[1]) Кромѣ каторжныхъ, находящихся въ Дуэ, есть еще около 100 м. и до 30 ж., въ постахъ южнаго русскаго Сахалина (въ Анивѣ).

[2]) Канцелярія завѣдывающаго ссыльно-каторжными помѣщается въ домикѣ одного изъ поселенцевъ по найму.

въ частыхъ же починкахъ нуждаются вообще всѣ постройки поста Дуэ, такъ, какъ всѣ онѣ строены на скорую руку и изъ сыраго матеріала, а при томъ большая часть изъ нихъ совершенно обветшали. Какъ образчикъ послѣднихъ, представлю мою квартиру, избранную мною, за недостаткомъ лучшей, въ хижинкѣ, занимаемой фельдшеромъ. Домикъ, неболѣе 12 аршинъ въ длину, въ ширину же и того меньше, заключалъ въ себѣ жилую комнату, сѣни и кладовую. Наружность его представляетъ видъ деревенской, ветхой избушки; стѣны сложены изъ кругляковъ, неплотно пристающихъ другъ къ другу и недостаточно переложенныхъ мохомъ; крыша, сдѣланная изъ теса и во многихъ мѣстахъ продыравленная, даетъ свободный проходъ дождю и снѣгу, вслѣдствіе чего въ жилищѣ сырость и холодъ. Наружная труба совершенно разрушена и напоминаетъ о себѣ нѣсколькими только удѣлѣвшими кирпичами и зіяющимъ отверстіемъ въ крышѣ. Окна величиною въ $^3/_4$ аршина.

При домикѣ имѣется небольшая пристройка, на подобіе навѣсика, ведущая въ сѣни. Навѣсикъ этотъ сколоченъ изъ кусковъ дерева, не плотно прилегающихъ другъ къ другу, отчего образовались въ стѣнкахъ его скважины и значительныя отверстія. Изъ навѣсика ведетъ дверь въ довольно обширныя сѣни, которыхъ внѣшняя постройка подобна навѣсику. Затѣмъ изъ сѣней входъ въ жилую комнату. Всѣ двери такъ низки, что входить въ нихъ нужно согнувшись, вышина ихъ въ $1^1/_2$ аршина; ширина значительно не соотвѣтствуетъ ихъ вышинѣ. Жилая комната имѣетъ 6 аршинъ длины, $4^1/_2$ арш. ширины, вышина ея 2 арш. $4^1/_2$ верш. Стѣны обмазаны глиною, толстые слои которой, находящіеся между пазами кругляковъ, во многихъ мѣстахъ обвалились, отъ чего образовались сквозныя щели, пропускающія холодъ, вѣтеръ и сырость. На стѣнахъ замѣчались пожелтѣвшія полосы, образовавшіяся отъ течи; та же причина разукрасила и потолокъ различными затѣйливыми узорами. Полъ грязный, разсохшійся, скрипучій, весь въ скважинахъ и дырахъ, прогрызенныхъ крысами. Болѣе всего поразила меня своимъ безобразіемъ и громадностію неуклюжая печь, занимавшая ровно четвертую часть комнаты и стоявшая у самыхъ дверей; она оказалась полуразрушенною, и долгое время оставалась безъ починокъ, ибо хозяинъ дома, не нуждаясь въ ней, приготовлялъ гдѣ-то пищу на сторонѣ. Печь, кромѣ своего безобразія, памятна еще мнѣ по наводненію моей квартиры, случившемуся ночью (на второй и третій день пробытія въ Дуэ), котораго она была главною причиною. Проснувшись утромъ, я былъ изумленъ громаднымъ количествомъ воды, которое явилось въ моей комнатѣ, и, къ удивленію моему, вода эта какъ изъ трубы бѣжала изъ отверстія самой печи. Наводненіе это случилось отъ проливнаго дождя, во время шторма, бывшаго на Татарскомъ проливѣ, при чемъ, какъ объяснилось въ послѣдствіи, масса воды черезъ трубу, имѣвшую сообщеніе съ печью, вливалась въ мою комнату. Не взирая на такую жалкую обстановку домика, все-таки я прожилъ въ немъ до 1 октября, т. е. до времени его починки, для которой потребовалось не болѣе трехъ недѣль.

На это короткое время, мѣстный врачъ предложилъ мнѣ одну комнату своей квартиры, находящейся въ постовомъ лазаретѣ.

Такихъ ветхихъ домиковъ, какъ моя квартира, въ посту Дуэ очень много, и всѣ они заняты жильцами такъ, что прибывающее въ постъ новое лицо встрѣчаетъ большое затрудненіе въ прiисканіи для себя гдѣ нибудь уголка. Еще болѣе встрѣчается затрудненій въ добываніи необходимой мебели, которую обыкновенно привозятъ изъ Николаевска, при удобномъ случаѣ; но, къ сожалѣнію, случаи эти бываютъ очень рѣдки, неболѣе двухъ, трехъ разъ въ годъ.

Изъ затруднительнаго положенія на счетъ мебели, вывелъ меня тотъ же преудопредительный мой товарищъ, врачъ Зражевскій, которому, между прочимъ, обязанъ я и тѣмъ, что имѣлъ у него готовый столъ для себя, въ продолженіе девятимѣсячнаго пребыванія на островѣ. Мебель моей квартиры, отдѣланной почти заново, состояла изъ лазаретной рухляди, негодной уже къ употребленію, которую я по мѣрѣ возможности исправилъ. Квартира г. Власова и графа Баранова, спутниковъ моихъ по вояжу, не находилась въ лучшихъ условіяхъ; домикъ, ими занимаемый, хотя и былъ новъ, но не отстроенъ и квартира для нихъ была приготовлена на скорую руку; въ стѣнахъ, полу и потолкѣ были тѣ же скважины и трещины, черезъ которыя, какъ и въ моей квартирѣ, дулъ вѣтеръ, проникалъ холодъ и сырость.

Находящіеся въ посту Дуэ ссыльно-каторжные, по ихъ занятіямъ, раздѣлены на три категоріи: одна часть ихъ назначена на рудничныя работы, другая занята постройками зданій, а остальные посланы на земледѣльческую ферму, въ 10 верстахъ отъ поста Дуэ, и названную *фермою Дуэ.* Въ послѣднюю категорію выбираются такіе ссыльно-каторжные, которые, во время заключенія своего, отличались хорошею нравственностію. Дѣйствительно, каторжные этой категоріи, какъ мнѣ передавали, никогда не пытались къ побѣгу; никогда между ними не было буйствъ и особенныхъ безчинствъ, и вообще они на хорошемъ счету у своего ближайшаго начальника. Такимъ образомъ трудъ ссыльно-каторжныхъ въ посту Дуэ распредѣленъ на три рода занятій: 1) рудничное, 2) строительное, и 3) земледѣльческое [1]). Мы разсмотримъ каждое изъ нихъ отдѣльно.

1) *Рудничное занятіе.* Рудничныя работы сосредоточены на каменноугольныхъ копяхъ, расположенныхъ въ 2 верстахъ отъ поста Дуэ, на западномъ берегу острова по направленію къ сѣверу. Громадныя залежи каменнаго угля отличаются богатствомъ какъ по количеству своему, такъ и по добротѣ. Въ настоящее время, какъ видно изъ краткаго отчета Б. Н. Власова, уголь добывается лишь въ такомъ количествѣ, какое необходимо для русскихъ военныхъ судовъ, какъ флотиліи Восточнаго океана, такъ и прибывающихъ къ восточнымъ портамъ изъ эскадры, находящейся въ Японскомъ и Китайскомъ моряхъ. Судя по заборамъ прошлыхъ лѣтъ,

---

[1]) Въ 1871 г. проведена дорога чрезъ горные хребты отъ п. Дуэ, до земледѣльческой фермы Дуэ.—

среднее количество необходимаго угля можно опредѣлить въ 180 или 200 тысячъ пудовъ въ годъ, для добычи копхъ требуется не болѣе 150 рабочихъ, считая въ томъ числѣ устройство пристаней, баржъ, подвозку угля на суда и поддержку разныхъ построекъ, рудничныхъ и тюремныхъ. Развитіе каменноугольнаго производства стоитъ въ прямой зависимости отъ сбыта его. Въ китайскихъ и японскихъ портахъ (какъ заявляли командиры русскихъ военныхъ судовъ, бывшіе въ этихъ портахъ въ послѣднее время) большой запросъ на уголь, куда можно было бы сбывать милліоны пудовъ, но потребны перевозныя средства. Правительство не выражало намѣренія устроить ихъ на свой счетъ, и потому необходимо было бы обратиться къ частной дѣятельности».

Разработка каменнаго угля, по своему процессу, принадлежитъ къ самымъ тяжелымъ работамъ, къ которымъ предназначены исключительно каторжные 1-го разряда, содержащіеся подъ строгимъ надзоромъ и закованные въ ножные кандалы. Они изъ поста Дуэ (гдѣ содержатся постоянно въ казармахъ) отправляются ежедневно по утрамъ, за карауломъ, на каменноугольныя копи, отстоящія отъ поста въ двухъ верстахъ, и возвращаются на ночь въ казармы, окончивъ свою работу по заданнымъ урокамъ. Тутъ дѣлается имъ перекличка, послѣ которой дается обѣдъ, замѣняющій собою мѣсто завтрака и ужина.

Работа въ каменноугольныхъ копяхъ заключается въ добычѣ каждымъ каторжнымъ ежедневно опредѣленнаго количества угля по заданному уроку и вывозкѣ его въ тачкахъ наружу. Вывозка производится по низкимъ (не болѣе 1½ арш. вышины), узкимъ (1 арш. ширины), и притомъ темнымъ коридорамъ, въ которыхъ безпрерывно накопляется вода отъ просачиванія ея сквозь почву. Такое занятіе требуетъ не только постоянно согбеннаго положенія человѣка, но производится всегда почти ползкомъ. — Работа въ каменноугольныхъ копяхъ производится при постоянномъ освѣщеніи, для котораго употребляются стеариновыя свѣчи.

Для разработки каменнаго угля въ предположенномъ мѣстѣ дѣлается слѣдующая подготовка: первоначально внутри пласта каменнаго угля устраивается коридоръ, который, начиная отъ береговаго обнаженія поста, проводятъ прямолинейно вглубь до того мѣста, гдѣ пластъ оканчивается. — По мѣрѣ углубленія внутрь, ставятся въ коридорѣ, на всемъ его протяженіи, подпорки изъ толстыхъ бревенъ, отстоящія другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на сажень. Тогда начинается уже разработка отъ внутренняго конца коридора, приближаясь постепенно къ наружному выходу, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и входомъ въ штольни. Добываніе угля производится по обѣимъ сторонамъ коридора, углубляясь внутрь и оставляя при томъ, въ извѣстныхъ промежуткахъ, уголь нетронутымъ, отчего образуются естественные столбы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и стѣны, предохраняющія отъ обваловъ, во время производства работъ. Такіе же естественные столбы отъ оставляемаго въ промежуткахъ угля образуются и вдоль коридора по обѣимъ его сторонамъ. По

доведенія работъ до наружнаго выхода, штольни считаются окончательно разработанными.

Ближайшій присмотръ за производствомъ работъ въ штольняхъ лежитъ на обязанности штейгера, имѣющаго въ своемъ распоряженіи надсмотрщиковъ, которые слѣдятъ за выполненіемъ каторжниками назначеннаго урока.

Здѣсь не лишнимъ считаю сказать, что всѣ ссыльно-каторжные, для предстоящихъ имъ работъ, встаютъ въ 5 часовъ утра, съ пробитіемъ «рынды», которую провозглашаетъ въ главнѣйшихъ пунктахъ поста или барабанщикъ, или трубачъ постовой команды. Одинъ только часъ дается какъ для сборовъ, такъ и для распредѣленія каторжныхъ по работамъ, на которыя, по сдѣланной смотрителемъ перекличкѣ, отправляются за карауломъ. Вечеромъ, передъ захожденіемъ солнца, та же рында созываетъ ихъ съ работъ. Нѣкоторые ссыльно-каторжные успѣваютъ окончить свои уроки гораздо раньше вечерней рынды, почему остальное время предоставляется въ пользу собственныхъ ихъ занятій, какъ въ казармѣ, такъ и внѣ оной, подъ надзоромъ караульнаго солдата. Въ числѣ такихъ каторжныхъ чаще всего можно встрѣтить отца семейства, которое добровольно за нимъ послѣдовало. Онъ-то и старается удвоеннымъ усиліемъ выгадать часъ или два свободнаго времени для собственнаго труда, какъ единственной поддержки несчастнаго своего семейства, положеніе котораго въ посту Дуэ въ высшей степени безотрадно. — Между тѣмъ какъ семейство не причастно въ винѣ отца, котораго судьбу раздѣляетъ, оно и безъ того переноситъ позоръ и всевозможныя лишенія. Оно съ удивительнымъ самопожертвованіемъ и силою воли, отшатнувшись отъ жилаго свѣта на многія тысячи верстъ, оставило далеко за собою родину и родственныя связи; оставило, какъ кажется, для того, чтобы на этомъ пустынномъ островѣ, куда еще не обратился до сихъ поръ глазъ благотворительныхъ нашихъ обществъ,— испить до послѣдней капли всю горечь несчастной своей судьбы.

2) *Строительное занятіе.* Къ этой категоріи работъ относятся: во-первыхъ заготовленіе матеріала для постройки, т. е. рубка лѣса съ выволочкою его на далекое разстояніе до извѣстныхъ пунктовъ, и, во-вторыхъ, самая постройка зданій, производимыхъ какъ въ посту Дуэ и на каменноугольныхъ копяхъ, такъ и на земледѣльческой Фермѣ Дуэ. Работа эта, по своей тяжести и задаваемымъ урокамъ, близко подходитъ подъ занятія на каменноугольныхъ копяхъ. Рубка лѣса производится въ окружности поста Дуэ, по обѣимъ его сторонамъ и позади, въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ поста нерѣдко въ разстояніи на 10 верстъ, что зависитъ отъ мѣста нахожденія строеваго лѣса, растущаго или по склонамъ горъ, или же на ихъ высокихъ хребтахъ. Вырубленное дерево каторжный долженъ спустить съ горы на край острова, откуда тащить бревно бичевою, по берегу Татарскаго пролива, погружаясь по поясъ въ холодную воду (напр. въ октябрѣ мѣсяцѣ), затѣмъ дотащить его сухимъ путемъ до того мѣста, гдѣ предположена постройка. Притащивъ такимъ образомъ

дерево, приступаютъ къ разнаго рода его обдѣлкѣ: распиливаютъ на доски, обтесываютъ для скрѣповъ, столбовъ и проч.

Къ строительнымъ работамъ также относятся: выкорчевываніе мѣста (вырываніе корней), гдѣ назначено быть постройкѣ, рытье канавъ для обсушки почвы и выдѣлываніе кирпича. Къ болѣе легкимъ работамъ отношу столярную и кузнечную, производящіяся въ мастерскихъ.

Въ строевомъ лѣсѣ, состоящемъ преимущественно изъ пихты и ели, нѣтъ недостатка. Вырубленныя деревья этихъ породъ для построекъ бываютъ достаточно толсты; нѣкоторыя бываютъ въ діаметрѣ при срубѣ болѣе аршина, а въ длину около 10-ти саженей.

Уцѣлѣвшіе лѣса въ окрестностяхъ поста Дуэ состоятъ по преимуществу изъ пихты и ели, съ примѣсью лиственицы, а мѣстами березы, клена, рябины, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ. На сѣверѣ отъ поста Дуэ можно встрѣтить малорослый кедръ (Pinus Cembra pumilla Pal.), ростомъ не болѣе 3 аршинъ. Онъ ростетъ большею частію на открытыхъ мѣстахъ горныхъ хребтовъ, состоящихъ изъ глинистаго песчаника, и сейчасъ же надъ корнемъ пускаетъ длинныя горизонтальныя вѣтви. Плодъ его очень малъ. Такіе лѣса покрываютъ обыкновенно хребты горъ и кажутся издали очень густыми, полными жизни, но войдя въ нихъ, получается разочарованіе: кажущаяся густота смѣняется рѣдкостью деревьевъ, значительными разстояніями одного дерева отъ другаго, казавшаяся издалека жизненность — чахлостію, невзрачнымъ и болѣзненнымъ видомъ деревъ, полуизсохшихъ и изсохшихъ, не достигнувъ еще полнаго своего развитія. Такое впечатлѣніе производятъ вообще всѣ деревья, находящіяся на склонахъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу и сѣверо-востоку; при томъ всѣ они, какъ молодыя, такъ и старыя, покрыты длинными, толстыми кистями мха пепельнаго цвѣта. На низменныхъ же мѣстахъ, по краямъ рѣчекъ и ручьевъ, растутъ обильнѣе чѣмъ на возвышеніяхъ: вязъ, осина, тополь, ольха, черемха, тальникъ, ивнякъ и многія другія кустарничныя деревья.

Лѣса эти, кромѣ вышесказаннаго, представляютъ и въ ботаническомъ отношеніи свою особенность: въ нихъ находятся виды древесныхъ породъ, не встрѣчаемые въ Россіи; къ такимъ относятся: два вида клена: Acer Mono и Acer spicatum, var. ukurunduense Max. — Pyrus baccata и Pyrus sambucifolia; Fraxinus Mandsdchurica; Salix Sachalinensis; Betula Ermani; Abies Veitchii var. sachalinensis; Evonymus sachalinensis, Evonymus macropterus Rupr., Ribes affine B., Lonicera Chamissoi, Lonicera Glehni n. s. Daphne Kamtschatica и другія.

3) *Земледѣльческое занятіе.* Земледѣльческія занятія сосредоточены исключительно въ фермѣ Дуэ и вблизи ея—въ слободкѣ Александровкѣ. Трудъ обработки земли раздѣленъ на два рода: на трудъ частный и трудъ для казны. Первый производится нѣсколькими ссыльно-поселенцами, окончившими срокъ каторги, въ свою пользу; для втораго — предназначена часть каторжныхъ, отличившихъ себя, какъ сказано выше, въ продолженіе нѣсколькихъ годовъ, одобрительнымъ поведеніемъ. Поселенцы, образовавъ своею осѣдлостію, вблизи фермы небольшую слободку, названную Алек-

сандровскою, завели земледѣліе по рѣкѣ Дуэ, неподалеку отъ ея устья. Они заняли подъ посѣвы въ разныхъ пунктахъ небольшія пространства (до 1½ десятины), свободной отъ лѣса, черноземной земли. Для казенныхъ же посѣвовъ и огородовъ разкорчевано около 24 десятинъ по правому берегу р. Дуэ.

Какъ поселенцами на воздѣлываемой ими землѣ въ слободкѣ Александровкѣ, такъ и на фермѣ Дуэ, засѣвается рожь, ячмень, овесъ и ярица; а изъ огородныхъ овощей — картофель, брюква и капуста. Всѣ вообще хлѣба вызрѣваютъ, и при хорошей разработкѣ, своевременномъ посѣвѣ и доброкачественныхъ сѣменахъ даютъ едва удовлетворительный урожай, не свыше самъ-пятъ. Но бываютъ и такіе годы, что рожь даетъ урожай самъ-другъ, а ячмень около самъ-четвертъ.

Огородные овощи поспѣваютъ въ концѣ сентября, а иногда и позже Количество ихъ сбора вознаграждаетъ почти всегда уходъ за ними, за исключеніемъ развѣ тѣхъ нечастыхъ случаевъ, когда огороды, расположенные на низменности по берегу рѣки, заливаетъ вода. Картофель родится до самъ 10-ти, давая небольшіе клубни; брюква даетъ плодъ довольно значительный; капуста же, складываясь въ дряблыя головки, достигаетъ объема менѣе средней величины.

Находящіеся въ слободкѣ Александровкѣ ссыльно-поселенцы состоятъ въ непосредственномъ завѣдываніи начальника поста Дуэ. Каторжные же, посланные на земледѣльческія работы въ ферму Дуэ, и постоянно тамъ пребывающіе въ построенной для нихъ казармѣ, находятся подъ ближайшимъ присмотромъ унтеръ-офицера дуйской постовой команды, имѣющаго въ своемъ распоряженіи нѣсколько карaульныхъ солдатъ. На обязанности унтеръ-офицера лежитъ распредѣленіе занятій, досмотръ за правильнымъ ихъ выполненіемъ и всѣ вообще хозяйственныя распоряженія, согласно данной ему инструкціи, завѣдующимъ ссыльно-каторжными, полковникомъ Романовичемъ. Къ чести сего послѣдняго отнести слѣдуетъ ту неусыпную заботливость, какую онъ выказываетъ въ пользу распространенія и успѣха земледѣлія въ районѣ его служебной дѣятельности.

Что же касается поста Дуэ, то нѣсколько находящихся тамъ поселенцевъ изъ окончившихъ срокъ каторги, кромѣ обработки крошечныхъ огородовъ, расположенныхъ вблизи ихъ избушекъ, и небольшаго домашняго хозяйства, никакихъ другихъ земледѣльческихъ работъ не производятъ.

Занятія ссыльно-каторжныхъ женщинъ не подраздѣляются на извѣстныя категоріи, такъ какъ онѣ не раздѣлены, подобно каторжнымъ мужчинамъ, на разряды. До начала 1872 года, всѣ почти женщины, присужденныя въ работу, составляли прислугу въ посту Дуэ, пока не послѣдовало распоряженія генералъ-губернатора Восточной Сибири, обратить ихъ къ урочнымъ работамъ. Въ настоящее время всѣ онѣ участвуютъ какъ въ строительныхъ, такъ и земледѣльческихъ работахъ, за исключеніемъ рудничныхъ, въ каменноугольныхъ копяхъ. Занятіе ихъ при строительныхъ работахъ большею частію состоитъ: въ

собиранiи мха въ лѣсахъ для перекладки стѣнъ, въ постройкахъ, заготовленiи песку и глины, а также и въ перевозкѣ въ пунктахъ производства построекъ нѣкоторыхъ тяжестей, положенныхъ на телѣги. На земледѣльческой фермѣ Дуэ занимаются обработкою огородовъ и другими работами, относящимися къ сельскому хозяйству, а также заготовленiе *черемши* (родъ чесноку Allium Victorialis L.), въ запасъ на зиму. Изъ нея, круглый годъ приготовляютъ щи съ солониной или рыбою, нетолько для арестантовъ, но и для нижнихъ чиновъ постовой команды; такая пища чрезвычайно нравится всѣмъ здѣшнимъ жителямъ и предохраняетъ ихъ отъ цынги. Объ этомъ растенiи скажу подробнѣе въ краткомъ очеркѣ сахалинской флоры. Каторжныя женщины, кромѣ вышесказанныхъ занятiй, употребляются, смотря по ихъ способностямъ, для приготовленiя пищи ссыльно-каторжнымъ, печенiя хлѣбовъ, стирки и починки арестантскаго бѣлья и для больничной прислуги въ женскомъ отдѣленiи каторжной больницы.

Всѣ работы, какъ въ каменноугольныхъ копяхъ, такъ строительныя и земледѣльческiя, производятся ссыльно-каторжными ежедневно. По воскресеньямъ работаютъ до 12 часовъ дня, потому только, что послѣ этого времени ихъ поочередно ведутъ въ баню. Полнымъ же отдыхомъ пользуются они нѣсколько дней въ году, а именно: одинъ день въ праздникъ Новаго года; два дня въ Свѣтлое Христово Воскресенiе; одинъ день Св. Троицы, два дня въ Рождество Христово и въ высокоторжественные дни.

Не взирая на безпрерывный и тяжелый трудъ каторжныхъ, особенно въ каменноугольныхъ копяхъ, побѣговъ между ними почти нѣтъ. Случающiяся нерѣдко кратковременныя отлучки имѣютъ главную цѣль отдохнуть нѣсколько дней. Въ такихъ случаяхъ бѣжавшiй съ работъ скрывается между хребтами горъ вблизи поста Дуэ, и, проголодавшись до истощенiя силъ, самъ является съ повинной головой, или же, удалившись на значительное разстоянiе отъ поста, неминуемо наткнется на гиляка, который приводитъ его обратно въ постъ, получая за то положенное награжденiе 3 р. с.

Относительно внутренняго быта служащихъ въ посту Дуэ чиновниковъ, нельзя сказать ничего утѣшительнаго. Нетрудно однакожъ отгадать, въ какой формѣ долженъ выразиться бытъ этотъ при неблагопрiятныхъ условiяхъ для жизни какъ нравственной, такъ и физической. Достаточно взглянуть на эту исключительную обстановку, которую подготовила сама природа для человѣка, заброшеннаго судьбою на этотъ клочекъ скалистой земли, со всѣхъ сторонъ окруженный моремъ, со всѣхъ сторонъ запертый для сообщенiя съ людьми. Развѣ можно назвать жизнiю существованiе человѣка, составленное изъ однихъ только лишенiй? Это не можетъ назваться жизнiю—скорѣе прозябанiемъ, и, въ добавокъ, прозябанiемъ ненормальнымъ на безсочной почвѣ, въ которой ни духовная, на физическая потребность человѣка не можетъ отыскать для себя живительныхъ матерiаловъ. Такою почвою для жизни — есть постъ Дуэ; такою жизнiю есть внутреннiй бытъ служащихъ въ порту Дуэ.

Всѣхъ служащихъ въ посту Дуэ чиновниковъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго вѣдомства, находится 12 человѣкъ: начальникъ поста, при немъ два субалтернъ-офицера и дѣлопроизводитель, врачъ дуйской постовой команды, завѣдующій ссыльно-каторжными Приморской области, при немъ дѣлопроизводитель, бухгалтеръ и смотритель, два горные инженера и начальникъ маяка. Кромѣ того—купецъ Поповъ. Изъ числа чиновниковъ четверо женатыхъ (два инженера, врачъ и начальникъ маяка). Казалось бы, что такое малозначительное число лицъ, случайно сгруппированныхъ на пустынной мѣстности, служащихъ одному и тому же дѣлу и преслѣдующихъ одинаковыя цѣли, должно бы образовать собою тѣсный, дружескій кружокъ, въ которомъ хотя на минуту можно было разсѣять, въ досужное время, одолѣвающую скуку,—но этого, къ сожалѣнію, въ посту Дуэ нѣтъ. Причина такой общественной разрозненности, по моему мнѣнію, заключается въ недостаточности семейныхъ домовъ и въ проявленіи различныхъ взглядовъ на жизнь и на интересы ея. Дѣйствительно, семейные люди живутъ какъ-то замкнутѣе (быть можетъ вслѣдствіе болѣе серьезнаго взгляда на жизнь), нежели холостые, у которыхъ, за исключеніемъ оффиціальной ихъ службы, единственная забота—провести пріятно время. Совершенное отсутствіе періодическихъ изданій, библіотеки и общественныхъ увеселеній,—вотъ еще причины, которыя не влекутъ членовъ небольшаго кружка другъ къ другу. Послѣ этого очевидно, что постъ Дуэ, для умственной жизни человѣку, сколько нибудь развитому, не даетъ никакой пищи, не даетъ еще пищи и нравственно-религіозной, которая, если необходима для человѣка развитаго, то какъ должна быть необходима для человѣка темнаго? Темные же—всѣ ссыльно-каторжные, число которыхъ простирается до 550 человѣкъ. Эти каторжные, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не слыхали слова утѣшенія—религіи, отчего, во многихъ отношеніяхъ, явилось у иныхъ сбивчивое понятіе о добрѣ, злѣ и обязанностяхъ христіанина.

Жители поста Дуэ не имѣютъ ни церкви, ни священника; они лишены той обрядовой торжественности, которою начинается и оканчивается жизнь каждаго человѣка; за неимѣніемъ священника, обрядъ крещенія и погребенія исполняется каторжнымъ, который читаетъ соотвѣтственныя этимъ случаямъ молитвы. Этотъ же каторжный въ казармахъ, въ присутствіи мѣстныхъ чиновниковъ и постовой команды, въ торжественные дни, въ праздникъ Рождества Христова, Свѣтло-Христово Воскресеніе, въ день тезоименитства Государя Императора и пр. читаетъ молитвы, приличныя этимъ днямъ, какъ равно и по воскресеньямъ читаетъ часы. За неимѣніемъ церкви и священника, самые церковные и торжественные дни ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ дней: ухо не слышитъ того привычнаго звона колокола, который въ былое время призывалъ ихъ на молитву въ домъ Божій!.

Необходимо въ интересахъ нравственныхъ и религіозныхъ (говорю собственно о каторжныхъ), имѣть въ посту Дуэ какъ церковь, такъ и священника. Священнослужитель, по совершеніи литургіи, на тему прочитан-

наго имъ Евангелія, могъ бы сказать поученіе, а почему знать, слова его, можетъ быть, не пали бы на безплодную почву: священникъ, въ свободное время отъ своихъ занятій, могъ бы обратить вниманіе на дѣтей ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ, которыхъ положеніе въ высшей степени грустное; особенно жалки дѣти тѣхъ семействъ, которыя добровольно послѣдовали за отцомъ. Всѣ эти дѣти, которыя теперь своими шумными играми на улицахъ, оживляютъ угрюмо-молчаливую мѣстность поста Дуэ, не предвидя своей будущности,—растутъ безъ всякаго призора. Первое слово у дитяти, едва только поднявшагося на ноги и начавшаго лепетать, есть бранное «бродяга» и другія ругательныя слова! Не скрою, этотъ безсознательный лепетъ брани ложится тяжелымъ гнетомъ на сердце; невольно рождается мысль, что выйдетъ изъ этихъ дѣтей, особенно изъ дѣтей семействъ свободныхъ, которыя, по достиженіи совершеннолѣтія, сдѣлавшись поселенцами, могутъ возвратиться въ Россію? Они, по всей вѣроятности, какъ люди носящіе въ душѣ своей зародыши одного только зла и не видѣвшіе никогда хорошаго примѣра, должны будутъ, рано или поздно, сдѣлаться обычными посѣтителями острова Сахалина, — но не какъ поселенцы, а какъ ссыльно-каторжные.

Да извинятъ меня наши благотворительныя общества, что я во второй разъ обращаю ихъ глаза къ этому пустынному острову, гдѣ дѣти несчастныхъ родителей нуждаются въ ихъ теплотѣ и христіанскомъ сочувствіи. Здѣсь не нужно большихъ затратъ капитала: потребно устроить небольшую школу, подъ нравственнымъ наблюденіемъ священника, и отторгнуть невинныхъ дѣтей отъ такихъ родителей, которые слывутъ въ Дуэ за закоренѣлыхъ преступниковъ. Эта лепта, которую на первыхъ порахъ принесетъ благотворительное общество, будетъ зародышемъ тѣхъ нравственныхъ началъ, которыя желательно видѣть въ будущемъ населеніи острова Сахалина.

Жизнь въ посту Дуэ въ высшей степени монотонна и скучна, наводящая даже по временамъ уныніе, которое усиливается еще болѣе, при непривычныхъ звукахъ рынды и постоянномъ почти бряцаніи кандаловъ! Ничто не разнообразитъ здѣсь медленно текущихъ часовъ свободнаго времени отъ обыденныхъ занятій. Куда ни обратятся глаза, они упираются или въ мрачныя горы, смотрящія на насъ непривѣтливо, или скользятъ по поверхности моря, постоянно, кажется, недовольнаго, раздраженнаго, а по временамъ даже пѣнящагося, какъ бы отъ ярости. Единственнымъ здѣсь мѣстомъ для прогулки служитъ небольшая пристань; но и ту обдаютъ брызгами клубящіяся волны, какъ бы недовольныя присутствіемъ человѣка! Больше всего наводитъ на человѣка уныніе видъ стоящей почти среди поста сопки, которой склоны усѣяны могилами. Она, выдвинувшись далеко выше окружающихъ ее хребтовъ, своею коническою головою постоянно смотритъ вдаль моря, какъ бы поджидая и на свою долю отмѣченныхъ жертвъ, которыхъ, рано или поздно, прикроетъ жесткимъ своимъ покрываломъ въ непробудномъ ихъ снѣ! Послѣ этого, нѣтъ ничего удивительнаго, что каждымъ живущимъ въ посту Дуэ овладѣваетъ смертельная тоска; и поэтому малѣйшая новизна

служитъ ему поводомъ къ развлеченію. Стоитъ только показаться на горизонтѣ моря не только судну, но даже и гиляцкой лодкѣ, чтобы всѣмъ встрепенуться какъ отъ электрическаго тока; всякій стремится на пристань. Въ этомъ невольно выражается человѣческая натура, жаждущая обновленія.

Обращаясь къ физической жизни въ посту Дуэ, можно сказать только одно, что служащіе чиновники испытываютъ неудобство во всемъ, а недостатокъ во многомъ, особенно же въ продовольствіи. Помѣщенія у всѣхъ крайне неудобныя, холодныя и тѣсныя, что зависитъ отъ постройки ихъ на скорую руку. Что же касается продовольствія, то оно, въ зависимости отъ возможности заготовленія съѣстныхъ припасовъ въ г. Николаевскѣ, сообщенія съ которымъ, въ продолженіе года, бываютъ очень рѣдки. Суда изъ Николаевска приходятъ въ Дуэ не болѣе трехъ, четырехъ разъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ: іюня, іюля и августа, за полученіемъ каменнаго угля для порта, доставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и провизію для ссыльно-каторжныхъ порта Дуэ. Суда эти, возвращаясь обратно, даютъ жителямъ поста единственную возможность отправиться въ Николаевскъ за покупкою провизіи; но, чтобы ее оттуда привезти на островъ, нужно выжидать удобнаго случая, нерѣдко очень продолжительное время. Послѣ того сообщеніе между Николаевскомъ и Дуэ прекращается совершенно на нѣсколько мѣсяцевъ, а именно до января мѣсяца, а иногда же только до половины декабря. Въ январѣ же, февралѣ, а иногда и въ мартѣ, изъ поста Дуэ отправляются въ Николаевскъ нарты на собакахъ съ почтою, не болѣе двухъ разъ въ продолженіе всего этого времени. На этихъ-то обратныхъ нартахъ привозится иногда провизія по заказу и то въ небольшомъ количествѣ (около 10 пуд. на нартѣ). Затѣмъ до іюня мѣсяца прекращается всякое сношеніе съ Николаевскомъ. Этими-то промежутками въ сообщеніяхъ и пользуются нѣкоторые афферисты поста Дуэ, перепродавая жителямъ по баснословнымъ цѣнамъ заготовленные ими въ Николаевскѣ съѣстные припасы.

Постоянную, ежедневную пищу составляютъ: солонина и рисъ; говядины достать очень трудно, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда какой нибудь поселенецъ рѣшится убить свою скотину за неспособностію ея къ работѣ. Тогда за фунтъ такой говядины каждый наперерывъ платитъ охотно 75. к. Да и вообще на всѣ съѣстные припасы (которыхъ между прочимъ и достать не всегда можно), налагаются въ посту Дуэ чудовищныя цѣны. Такъ напр. 1 пуд. солонины стоитъ 7 р., 1 ф. масла коровьяго отъ 80 к. до 1 р., 1 курица 2 р., 1 гусь 4 р. (гусей въ Дуэ нѣтъ; привозятъ изъ Николаевска), 1 поросенокъ (двухнедѣльный) отъ 3 до 5 р., одно яйцо отъ 15 до 25 к. (на Свѣтлой празд.), 1 пуд. ржаной муки 2 р., 1 пуд. пшена 4 р., 100 голов. капусты отъ 8 до 12 р., 100 ш. соленыхъ огурцовъ 4 р., 1 ф. луку 50 к., 1 п. картофелю отъ 90 к. доходитъ до 2 р. 50 к., 1 ф. сахару отъ 75 к. до 1 р., 1. ф. стеариновыхъ свѣчей 45 к. до 50 копѣекъ. Что же касается брюквы, рѣпы, бураковъ и моркови, то цѣна имъ недоступная. Сала свинаго въ продажѣ вовсе нѣтъ, не взирая на то, что нѣкоторые поселенцы держатъ свиней,

которыя не требуютъ особеннаго за ними ухода, питаясь сами по берегу Татарскаго пролива выбрасываемыми изъ него водорослями и молюсками.

Бытъ нѣкоторыхъ поселенцевъ въ посту Дуэ, имѣющихъ уже средства къ жизни, сложился гораздо удачнѣе, сравнительно. Они, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, ни мало не тяготятся тѣми неудобствами жизни, которыя кажутся такъ ощутительными для класса служащихъ. Достигнутая поселенцемъ свобода, удовлетворивъ на первыхъ порахъ уже, задушевному его желанію, постоянно поддерживаетъ въ немъ отрадное чувство самостоятельности, которую онъ поневолѣ цѣнитъ, имѣя передъ глазами живой примѣръ наказанія прежнихъ своихъ поступковъ. Припоминая же всю тягость прошлаго своего положенія, въ немъ рождается чувство самодовольства, подъ вліяніемъ котораго трудъ въ свою собственную пользу кажется ему чуть ли не пріятнѣйшимъ препровожденіемъ времени. Поэтому-то нѣкоторые изъ поселенцовъ принялись за этотъ трудъ усердно, и бытъ ихъ матеріальный можно назвать болѣе нежели удовлетворительнымъ. Изъ числа такихъ поселенцевъ, укажу на двухъ: на Абрама Спичку, проживающаго въ посту Дуэ, и Федора Сергіенку, поселившагося въ слободкѣ Александровкѣ, вблизи земледѣльческой фермы Дуэ. И тотъ и другой обзавелись очень хорошимъ хозяйствомъ, держатъ коровъ, быковъ и лошадей, и успѣли даже скопить небольшой капиталецъ, частію отъ продажи съѣстныхъ припасовъ и другихъ продуктовъ и матеріаловъ, пріобрѣтаемыхъ въ Николаевскѣ и перепродаваемыхъ въ Дуэ, частію же отъ добываемой у гиляковъ пушнины, доставляющей имъ большія выгоды.

Такіе поселенцы и въ отношеніи удовольствій стоятъ въ лучшихъ условіяхъ; у нихъ составляются, такъ сказать, общественныя увеселенія, для которыхъ они собираются вмѣстѣ въ праздничные дни, и устраиваютъ качели:—лѣтомъ гдѣ нибудь въ просторномъ уголкѣ—*качели простыя*, зимою же на льду, вблизи пристани, *качели круглыя*, которыя, посредствомъ ворота, приводятся въ вращательное движеніе. Кромѣ того, зимою, особенно же во время масляной недѣли, устраивается ѣзда въ саняхъ на запряженномъ волѣ; при чемъ одинъ человѣкъ ведетъ его на веревочкѣ впереди, а нѣсколько садятся въ сани. Такимъ образомъ, по главной улицѣ поста и кругомъ полощади, устраивается катанье шагомъ, которое сопровождается пѣснями. Пѣсни эти по большой части заунывныя, наводятъ больше тоски на слушающаго, нежели доставляютъ ему развлеченія!

Постъ Дуэ, нетолько по своему мѣстоположенію, но и вообще по характеру мѣстности всего острова, находится въ тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, которыя парализируютъ всякую возможность сближенія съ инородцами. Къ такимъ условіямъ относятся: во 1-хъ, затруднительное сообщеніе съ инородцами, по причинѣ высокихъ горныхъ хребтовъ, которыми покрыта вся поверхность острова и между которыми лежатъ непроходимыя болота и рѣки; къ тому же не проведены дороги. Въ 2-хъ, разбросанность по разнымъ пунктамъ острова жилищъ инородцевъ, и расположеніе ихъ на значительныхъ разстояніяхъ, какъ другъ отъ дру-

га, такъ и отъ поста Дуэ. Въ 3-хъ, обоюдное незнаніе языковъ: русски-ми—инородческихъ, и на оборотъ; и въ 4-хъ, наконецъ то обстоятельство, что жителямъ поста Дуэ, какъ служащимъ чиновникамъ, такъ и поселенцамъ, которыхъ занятія сосредоточены въ самомъ посту, или въ близи его, не предстоитъ никогда почти надобности углубляться внутрь острова.—Изложенныя причины, главнымъ образомъ, препятствуютъ къ установленію съ инородцами постоянныхъ, правильныхъ сношеній, а отсюда и нравственныхъ какихъ либо отношеній. Существуютъ одни только сношенія торговыя, если можно такъ назвать мѣновую сдѣлку. Нѣсколько разъ въ теченіе года, и то на короткое время, появляются въ посту Дуэ гиляки, привозя съ собою соболей для промѣна ихъ на необходимые имъ матеріялы, какъ-то: на буду (пшено), ржаную муку, печеный хлѣбъ, постное масло, соль, дабу (окрашенный въ синій цвѣтъ коленкоръ), табакъ, водку, сѣрое простое сукно и проч. Припасами этими, для которыхъ нѣтъ устроенныхъ особо складовъ въ посту Дуэ, запасаются понемногу въ г. Николаевскѣ, какъ зажиточнѣйшіе поселенцы, такъ и нѣкоторые служащіе чиновники; въ значительномъ же количествѣ запасается ими мѣстный купецъ Поповъ, пользующійся большими выгодами отъ мѣновой сдѣлки съ гиляками. Напримѣръ: за одинъ пудъ буды, стоющей ему 1 р. 25 к., онъ получаетъ отъ гиляка соболь, который сбываетъ въ Николаевскѣ не дешевле 10-ти руб. сер. Такою же выгодою пользуется онъ и отъ другихъ матеріяловъ, въ особенности отъ табаку и алкоголя, разведеннаго имъ водою, на которые очень падки всѣ вообще инородцы. Однакожъ не одинъ только мѣстный купецъ пользуется выгодами отъ этой мѣновой сдѣлки; наживаются отъ нея и нѣкоторые поселенцы, особенно: Спичка и Сергіенко, имѣющіе у себя постоянно въ запасѣ всѣ необходимые для гиляковъ предметы. Они пріобрѣтаемыхъ соболей перепродаютъ, или при случаѣ въ Николаевскѣ, или же на мѣстѣ переуступаютъ тому же купцу, за извѣстные проценты. Мѣстные же чиновники, желающіе добыть соболей для собственной своей надобности, рѣдко когда успѣваютъ пріобрѣсти ихъ изъ первыхъ рукъ, потому что, какъ поселенцы, такъ и купецъ, завидя издали гиляковъ, приближающихся къ посту, залучаютъ ихъ въ свои дома, даютъ имъ временное пристанище и закупаютъ всѣ привезенные ими соболя.

Кромѣ соболей, привозятъ еще гиляки, хотя очень рѣдко и въ самомъ незначительномъ количествѣ,—лисьи и медвѣжьи шкуры, выдры, бѣлку и кабаргу. *Медвѣжьи шкуры*, по своему низкому достоинству, цѣнятся здѣсь очень дешево (по 2 р. и того дешевле); шерсть на нихъ короткая, жесткая, толстая, буро-рыжеватаго цвѣта, а притомъ и самая шкура небольшая, едва годится на подстилку подъ ноги. *Выдры* попадаются гилякамъ очень рѣдко; цѣна одной шкуркѣ, смотря по качеству мѣха, бываетъ отъ 6 до 9 рублей. Здѣшнія *бѣлки* цѣнятся гораздо ниже, нежели камчатскія, амурскія, сибирскія (около Тобольска) и уральскія. Онѣ относительно меньше, не такъ пушистыя и цвѣтъ ихъ мѣха сѣрый, съ нѣсколько желтоватымъ отливомъ. Шкурки *кабарги* привозятся гиляками

въ постъ Дуэ весьма рѣдко, потому что охота за ними чрезвычайно затруднительна.—Кабарга водится обыкновенно внутри острова, на горныхъ хребтахъ, покрытыхъ лѣсами, и рѣдко когда спускаться въ долины. Ростомъ она гораздо меньше дикой козы, очень осторожна и чутка. Мясо ея гиляки употребляютъ въ пищу. Шкурка кабарги стоитъ одинъ рубль; она негодится даже на подстилку, такъ какъ шерсть ея лѣзетъ очень скоро. Немногимъ дороже обходится въ покупкѣ и мѣшечекъ мускуса, который помѣщается у самца на задней части живота: онъ цѣнится 1 р. 50 к.

Менѣе всего имѣется у гиляковъ для продажи *лисьихъ шкурокъ*, потому что гиляки, за неимѣніемъ пороху и свинца, не охотятся за ними. Вообще на островѣ Сахалинѣ добываютъ лисицъ зимою, посредствомъ отравы или капкановъ. Обыкновенную отраву для лисицъ составляетъ чилибуха, превращенная въ порошокъ; но охотники очень часто достаютъ и стрихнинъ для отравы. Изъ него приготовляютъ они, такъ называемые, «пометы» слѣдующимъ образомъ: изъ растопленнаго стеарина или воску дѣлаютъ небольшія капсули, посредствомъ обмакиванія въ этихъ жидкостяхъ округленныхъ, деревянныхъ или металлическихъ палочекъ, толщиною въ обыкновенный карандашъ. Одинъ конецъ палочекъ этихъ погружаютъ (на ½ вершка) въ жидкость на весьма короткое время, отчего, на концахъ ихъ, когда они простынутъ, образуются капсули на подобіе пистона большаго размѣра. Въ такую капсулю всыпаютъ отъ 5 до 6 гранъ стрихнина и прикрываютъ верхнее ея отверстіе коровьимъ масломъ. Такія начинки, помѣщенныя въ отдѣльныхъ кускахъ мяса, рыбы, убитой птицы, или же внутри неживыхъ крысъ, кладутъ охотники въ разныхъ мѣстахъ, на низменностяхъ, между горными хребтами, гдѣ слѣды лисицъ указываютъ на ихъ ночныя прогулки. Это и называется *пометомъ*. Пометы эти бросаютъ обыкновенно вечеромъ, и случается, что на другой день утромъ охотникъ находитъ жертву своего промысла вблизи брошенной имъ отравы. Лисицъ на островѣ Сахалинѣ довольно; онѣ водятся какъ въ падяхъ, такъ и въ горныхъ хребтахъ, вблизи рѣчныхъ долинъ. Встрѣчается здѣсь пять разновидностей этого звѣря, какъ-то: 1) обыкновенная красная лисица, 2) сиводушка, 3) крестовка, 4) серебрянка и 5) чернобурая лисица; послѣдняя очень рѣдка и попадается разъ въ 2 или 3 года. Цѣна на мѣстѣ шкуркѣ обыкновенной красной лисицы отъ 2 до 3 рублей; сиводушки и крестовки отъ 7 до 11 рублей и дороже; серебрянки отъ 40 до 60, а иногда и до 75 рублей; шкурка же чернобурой лисицы цѣнится втрое дороже серебрянки.

Дорогой звѣрекъ *соболь* (по гиляцки огробъ), водится по всему острову Сахалину, избирая для мѣстопребыванія горные хребты, покрытые хвойнымъ лѣсомъ, преимущественно такимъ, гдѣ много валежника, розсыпей и обнаженныхъ скалъ. Соболь въ высшей степени кровожадный; онъ истребляетъ птицъ, мышей и бѣлокъ, а бывали (какъ разсказываютъ) случаи, что пожиралъ даже и собственныхъ дѣтенышей. Движенія его чрезвычайно быстры; онъ не придерживается мѣстности, а постоянно переходитъ съ одного хребта на другой. Въ этихъ то переходахъ и

подстерегаютъ его гиляки, устраивая ловушки между хребтами въ долинахъ. Ловушки эти они ставятъ на перекладинахъ, переброшенныхъ въ поперекъ какой нибудь рѣчки или ручья. По словамъ гиляковъ, соболей очень много по всему острову: они первоначально водились и вблизи Дуэ, но вырубленный впослѣдствіи вокругъ поста лѣсъ заставилъ ихъ удалиться внутрь острова. Качество соболей, водящихся на Сахалинѣ, не вездѣ одинаковое: болѣе цѣнятся мѣха, добытые въ сѣверной части острова, нежели на югѣ, хотя вообще сахалинскіе соболи, по качеству мѣха, считаются средними. Собранныя на Сахалинѣ соболиныя шкурки и доставленныя въ Николаевскъ, подвергаются сортировкѣ. Изъ нихъ составляютъ связки въ 40 штукъ, что называется «сорочекъ». Въ такомъ сорочкѣ бываетъ около 15 штукъ лучшихъ соболей; затѣмъ столько же среднихъ и около 10 штукъ низшаго сорта. Цѣна такому сорочку на мѣстѣ, въ Николаевскѣ, полагается отъ 450 до 500 рублей и дороже.

Пріѣзды гиляковъ въ постъ Дуэ не всегда бываютъ въ одинаковое время; они прибываютъ сюда по мѣрѣ нуждъ своихъ, въ особенности же тогда, когда у нихъ не достанетъ съѣстныхъ припасовъ: буды, ржаной муки, соли, а также и табаку и другихъ необходимыхъ для нихъ матеріаловъ, что чаще всего случается зимою и весною.

Мѣновая торговля съ инородцами не ограничивается однимъ только постомъ Дуэ: она производится и внутри острова, въ ихъ жилищахъ, куда николаевскіе купцы, въ зимнее время, посылаютъ своихъ прикащиковъ, съ вышесказанными матеріалами, для промѣна ихъ на соболей и другую пушнину.

Процедура мѣновой сдѣлки съ гиляками въ высшей степени скучна, по своеобразному характеру. Гилякъ никогда за разъ не покажетъ всѣхъ соболей, привезенныхъ имъ для продажи; онъ вынимаетъ изъ-за пазухи по одиночкѣ, начиная всегда худшимъ соболемъ, а оканчивая самымъ лучшимъ. Притомъ каждый соболь имѣетъ особое свое назначеніе въ продажѣ: одинъ для промѣна на буду, другой на табакъ, третій на ржаную муку или что нибудь другое. Такимъ подраздѣленіямъ покупатель долженъ подчиниться вполнѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что самая ничтожная иногда покупка (одного или двухъ соболей) длится очень долго, если принять въ соображеніе, что гилякъ показываетъ одного соболя за другимъ, по истеченіи получаса и болѣе, покуривая притомъ изъ своей гамзы (трубки) крѣпкій манджурскій табакъ.

Кромѣ сахалинскихъ гиляковъ, посѣщаютъ еще постъ Дуэ и гиляки амурскіе, прибывающіе осенью на островъ Сахалинъ, для звѣринаго промысла. Они изъ поста Дуэ, на своихъ лодкахъ, берегомъ Татарскаго пролива, отправляются въ южную часть острова (въ Аниву), и у тамошнихъ инородцевъ (аинцевъ) пріобрѣтаютъ соболей посредствомъ мѣны на товары; товары же (даба, сѣрое сукно, табакъ и проч.) частію привозятъ изъ Николаевска, частію же берутъ въ посту Дуэ въ домѣ, у тамошняго купца, или у кого либо изъ жителей. Пріобрѣтаемые въ Анивѣ соболи обходятся имъ очень дешево. Весною, на обратномъ

пути, гиляки уплачиваютъ свои долги въ Дуэ соболями, пріобрѣтенными въ Анивѣ, остальныхъ же везутъ въ г. Николаевскъ для продажи.

III.

Инородцы и ихъ бытъ.—Заключеніе.

Къ инородцамъ, живущимъ на островѣ Сахалинѣ, относятся: орочи, тунгузы, якуты, гиляки и аинцы. Орочи живутъ внутри острова, въ средней его полосѣ, около рѣки Неви. Южнѣе ихъ, по той же рѣкѣ, а также и въ другихъ пунктахъ острова, по направленію къ востоку, югу и къ самой почти сѣверной части Сахалина, живутъ якуты и тунгузы, держась тундристыхъ мѣстъ, для прокорма своихъ оленей. Гиляки селятся обыкновенно по западному и восточному берегамъ острова, при устьяхъ рѣчекъ, а также внутри острова, по берегамъ большихъ рѣкъ, избирая притомъ такія мѣста, гдѣ могутъ удобнѣе заниматься какъ рыбнымъ, такъ и звѣринымъ промыслами. Главное населеніе гиляковъ сгруппировано по рѣкамъ Тыми Большой и Малой, за тѣмъ по западному и восточному берегамъ сѣверной и средней части Сахалина, въ бухтахъ, въ которыя впадаютъ рѣчки, и наконецъ къ югу отъ поста Дуэ, тоже по западному берегу острова, почти до границы южной стороны Сахалина. Кромѣ того находятся гиляки и въ Приморской области, поселившіеся на лѣвомъ берегу Амура, отчего на Сахалинѣ и раздѣляютъ ихъ на *амурскихъ* и *сахалинскихъ*.—Аинцы живутъ въ южной части Сахалина.

Скажу нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ племенъ.

1. Орочи весьма рѣдко посѣщаютъ постъ Дуэ, такъ какъ мѣновую торговлю ведутъ обыкновенно внутри острова, куда къ нимъ пріѣзжаютъ изъ Николаевска прикащики, съ необходимыми для нихъ съѣстными припасами и другими матеріалами. Орочей называютъ еще: орочами, орочонами (живущихъ на Амурѣ), а также оленными тунгузами, для различія отъ собственно такъ названныхъ тунгузовъ, съ которыми они составляютъ одно племя. Типъ орочей показываетъ монгольское происхожденіе; росту они малаго, лицо плоское, широкое, скулы, выдающіяся незначительно, глаза малые, узкіе, какъ бы косые отъ приподнятыхъ наружныхъ угловъ, носъ тоже малъ, сплюснутый съ широкимъ переносьемъ, губы толстыя, нижняя челюсть довольно широкая, усовъ и бороды у мужчинъ почти нѣтъ, если же есть,—волоса на нихъ очень рѣдкіе и короткіе. Выраженіе физіономіи добродушное. Верхнія и нижнія конечности исхудалыя, что зависитъ отъ недостаточнаго развитія жировой ткани и истощенія мышцъ. Цвѣтъ кожи темный, грязножелтоватаго цвѣта. Волоса на головѣ черные, жесткіе, прямые, незаплетенные въ косу, падаютъ въ безпорядкѣ на лобъ и на плечи. Женщинъ я не видалъ. Одежду орочей составляетъ короткій полукафтанъ изъ оленьей кожи, отороченный другимъ какимъ либо мѣхомъ, всегда другаго цвѣта и украшенный почти всегда мѣдными пуговицами. Лѣтній кафтанъ дѣлаютъ изъ рыбьей кожи (кожи киты). Кафтанъ надѣваютъ на голое тѣло, почему

онъ имъ служитъ вмѣсто рубашки. Въ настоящее время, при частыхъ сношеніяхъ съ русскими, они получаютъ отъ сихъ послѣднихъ «дабу», изъ которой шьютъ для себя рубахи. Орочи носятъ короткіе штаны, которые доходятъ до верхней трети бедръ, гдѣ къ нимъ привязываются ремешками такъ называемые «ерки», сдѣланные изъ оленьей кожи, плотно обхатывающіе бедра и всю остальную часть ногъ до щиколки; затѣмъ надѣвается обувь, сшитая изъ оленьей кожи, мѣхомъ внутрь. Обувь эта украшается разными вышивками, состоящими изъ разноцвѣтныхъ мѣховыхъ же лоскутьевъ. На головѣ носятъ войлоковыя, полукруглыя шапочки, у нѣкоторыхъ же имѣются и китайскія шапки съ полями.

Орочи живутъ въ юртахъ конусо-образной формы. Юрта обыкновенно дѣлается такъ: на землѣ очерчивается кругъ или четыреугольникъ (будущее основаніе), по сторонамъ четыреугольника или круга вбиваются въ землю рядъ жердей (отъ 3 до 3 $^1/_2$ арш. вышины), наклоненныхъ одна къ другой и вверху связанныхъ; затѣмъ все это кругомъ снаружи обтягивается оленьими кожами. Вблизи юртъ находятся обыкновенно ихъ олени, скученные въ одно мѣсто. На шеѣ нѣкоторыхъ оленей, вмѣсто колокольчика, виситъ такъ называемая «купилья», сдѣланная изъ оленьяго рога, разукрашенная снаружи разными вырѣзными узорами. Внутри этой купильи висятъ на ремешкахъ свинцовые шарики, которые, болтаясь при движеніяхъ оленя, издаютъ громкій звукъ.

Въ пищѣ орочи разборчивы: они питаются по большей части юколою, которую приготовляютъ изъ киты, посредствомъ копченія. Кромѣ того, они употребляютъ въ пищу оленье мясо, рисъ и буду.

Орочи вообще чрезвычайно кротки и боязливы. Они занимаются звѣринымъ промысломъ и рыбною ловлею. Подробныхъ свѣдѣній о внутреннемъ ихъ бытѣ, семейной жизни и обычаяхъ я не имѣлъ случая собрать.

2. Мѣстные жители якутовъ и тунгузовъ считаютъ за одно племя. Они очень рѣдко пріѣзжаютъ въ постъ Дуэ, для сбыта своихъ соболей. При мнѣ ихъ не было, почему и не удалось собрать о нихъ положительныхъ свѣдѣній.

3. Между сахалинскими гиляками, живущими какъ на западномъ, такъ и на восточномъ берегу острова, нѣтъ никакого различія ни въ образѣ жизни, ни въ нравахъ, ни въ характерѣ, хотя восточныхъ гиляковъ острова и называютъ тро-гиляками. Быть можетъ въ нарѣчіи есть какая нибудь разница, но изученныя мною нѣкоторыя гиляцкія слова убѣдили меня въ противномъ, такъ какъ слова эти совершенно понятны для всѣхъ вообще гиляковъ.

Ростъ гиляковъ средній (нѣкоторыхъ довольно даже высокій); тѣлосложеніе крѣпкое, типъ чисто монгольскій, лицо некрасивое, круглое, приплюснутое, съ выдающимися скулами; глаза малые, узкіе, черные (у нѣкоторыхъ выразительные); носъ малый, довольно широкій, приплюснутый; ротъ большой, губы толстыя. Волоса на головѣ черные, жесткіе, густые, которые они заплетаютъ въ косу (принявшіе христіанство обрѣзаютъ косу); щеки, усы и борода покрыты рѣдкими и короткими во-

лосами, выростающими у нихъ очень поздно (около 26—30 лѣтъ). Умственныя способности у гиляковъ довольно развиты. Нрава они вообще кроткаго, терпѣливы и несловоохотливы; гилякъ можетъ просидѣть почти сутки, поджавъ ноги и покуривая табакъ изъ короткой и крошечной своей гамзы, не проговоривъ ни одного слова съ товарищами. Разговоръ ихъ между собою отрывистый, заключающійся въ двухъ, трехъ словахъ, произносимыхъ съ разстановкою и главное—не смотря другъ на друга, какъ бы озираясь по сторонамъ, или же потупивъ голову внизъ. Разговоръ ведутъ между собою не громко. Гиляки, приходя и уходя, не привѣтствуютъ другъ друга и не прощаются. Они очень недовѣрчивы, но къ обману и воровству не склонны, напротивъ, гилякъ всегда сдерживаетъ данное имъ слово и всегда старается исполнить обѣщанное имъ въ назначенный срокъ. Если же по какимъ-нибудь причинамъ онъ его не исполнитъ въ этомъ году, то непремѣнно исполнитъ ровно черезъ годъ, или же и два, въ условленный срокъ. Такіе примѣры (какъ разсказывали мнѣ) повторяются нерѣдко при мѣновой сдѣлкѣ съ жителями поста Дуэ. Гилякъ хладнокровенъ и неустрашимъ при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, съ которымъ сходится одинъ на одинъ, имѣя при себѣ только копье и короткій ножъ; на копье поднимаетъ медвѣдя, а ножемъ въ то время убиваетъ его, попадая прямо въ сердце. Характеръ гиляковъ далеко не суровый, и нѣтъ никакого основанія называть ихъ «свирѣпыми», какъ о нихъ относятся нѣкоторые путешественники. Дѣйствительно, на Сахалинѣ, между преступниками распространялась молва, будто гиляки ѣдятъ человѣческое тѣло, — но молва эта не имѣетъ никакого правдоподобія. Слухъ этотъ въ самомъ дѣлѣ носится и носится уже давно, но онъ пущенъ въ ходъ съ намѣреніемъ удержать преступниковъ отъ побѣговъ внутрь острова. Какъ бы въ подтвержденіе этого, въ прежніе годы было нѣсколько случаевъ такихъ, что скрывавшіеся внутри острова преступники не возвратились въ постъ Дуэ, и очень быть можетъ, что это случилось вслѣдствіе встрѣчи ихъ съ гиляками, которые очень враждебно смотрятъ и нынѣ на ссыльно-каторжныхъ. Они ихъ ловятъ и доставляютъ въ постъ Дуэ, получая за это вознагражденіе. Съ упрямымъ же бродягою, особенно съ такимъ, который хочетъ отъ него уйдти, гилякъ поступаетъ безцеремонно: посылаетъ въ догонку мѣткую стрѣлу и прехладнокровно возвращается въ юрту.

Одежда гиляковъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ одинаковая; она состоитъ изъ кафтана, короткой юбки до колѣнъ, панталонъ и шароваровъ. Лѣтніе кафтаны, какъ равно и юбки дѣлаютъ изъ рыбьей кожи (кожи киты), обшивая ихъ узкою каймою, изъ такой же рыбьей кожи, окрашенной въ разные цвѣта, большею же частію въ черный и красный. Для осени дѣлаютъ кафтаны и юбки изъ нерпечьей кожи, а для зимы— изъ собачьей, шерстью наружу. Черный цвѣтъ мѣховъ цѣнится дороже, потому-то кафтанъ, сшитый изъ черныхъ собакъ, считается щегольскимъ нарядомъ. Панталоны носятъ постоянно изъ нерпечьей кожи. Торбаза формою своею похожи на наши сапоги съ длинными голенищами: они дѣлаются какъ изъ собачьей, такъ и оленьей кожи, мѣхомъ

наружу, и обвязываются повыше колѣнъ, на панталонахъ, какимъ-либо ремешкомъ. Лѣтомъ и даже позднею осенью, гиляки часто ходятъ босые. Голову прикрываютъ лѣтомъ круглою, плоскою шляпою изъ березовой коры (на подобіе мелкой тарелки, опрокинутой кверху дномъ), привязывая ремышкомъ къ подбородку. Зимою же одни надѣваютъ на голову довольно толстый кружокъ, сдѣланный на подобіе дамскаго боа, изъ бѣличьихъ хвостовъ (причемъ макушка ничѣмъ не прикрыта), — другіе имѣютъ мѣховыя шапки съ длинными наушниками. Большею же частію ходятъ съ непокрытою головою. Женщины носятъ въ ушахъ мѣдныя серьги и тѣмъ только отличаются отъ мужчинъ въ костюмѣ. Съ недавняго времени гиляки начали дѣлать для себя кафтаны изъ сѣраго сукна и шить рубахи изъ дабы, для чего матеріалы пріобрѣтаютъ при мѣновой сдѣлкѣ съ русскими.

Въ пищѣ гиляки очень неразборчивы; они ѣдятъ все, что попало: соболей, собакъ, кошекъ, всякую даже падаль (свѣжую). Главную же ихъ пищу составляетъ буда, юкула, по временамъ свѣжая рыба. При частыхъ сношеніяхъ съ русскими, начали ѣсть печеный хлѣбъ, который имъ очень нравится. Кромѣ того, они заготовляютъ для пищи нерпечій жиръ, съ которымъ ѣдятъ обыкновенно буду. Пищу употребляютъ умѣренно и долго могутъ переносить голодъ; но въ высшей степени невоздержны въ употребленіи спиртныхъ напитковъ, до которыхъ они большіе охотники, и при случаѣ любятъ до пьяна напиться. Причемъ замѣчательно вопервыхъ то, что они рѣдко когда напиваются днемъ, а избираютъ для своихъ попоекъ ночное время; во-вторыхъ, что въ пьяномъ гилякѣ, при полномъ отсутствіи буйнаго характера, проявляется самое миролюбивое настроеніе духа; каждый для него тогда дѣлается другомъ (амала). Гиляки живутъ въ юртахъ. По временамъ переходятъ изъ одного мѣста острова на другое, почему и устраиваютъ въ одной мѣстности — юрты зимнія, а въ другой лѣтнія. Зимнія юрты строятъ изъ дерева, сдѣлавши первоначально землянку, т. е. четырехугольное углубленіе въ землѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагаютъ ставить юрту. Каждая юрта состоитъ изъ одной большой комнаты, безъ оконъ, потолка и трубы. Находящееся на верху въ крышѣ, въ самомъ центрѣ юрты, отверстіе, величиною около квадратнаго аршина, служитъ для выхода дыма изъ очага; оттуда же получается и свѣтъ. Очагъ находится по срединѣ юрты; кругомъ его, вдоль стѣнъ, устроены нары. Въ одной юртѣ живутъ по два и по три семейства, тутъ же помѣщаются и собаки, и все ихъ имущество. Подобнымъ же образомъ устраиваются и лѣтнія юрты, съ тою только разницею, что для нихъ предварительно не дѣлаютъ землянокъ; да притомъ и самыя юрты строятся не такъ тщательно, какъ зимнія, а для крышъ употребляютъ пихтовыя вѣтви вмѣсто дерева.

Амурскіе гиляки устраиваютъ свои юрты иначе внутри. Юрта ихъ состоитъ тоже изъ одной большой комнаты, безъ потолка, но съ крышею. Окна сдѣланы въ стѣнѣ и, за неимѣніемъ стеколъ, вставляется кожа рыбья (кожа киты). Отъ входа, на право и на лѣво, устроенъ рядъ

очаговъ (печи), откуда дымъ проходитъ трубами, проведенными подъ нарами, отчего онѣ и согрѣваются. Трубы эти соединяются съ особою трубою, устроенною на дворѣ, около юрты, черезъ которую дымъ окончательно выходитъ. Не взирая однакожъ на эти вытяжныя трубы, рѣдкая юрта избавлена отъ дыма, для выхода котораго устраивается въ задней стѣнѣ юрты окошко, которое затыкаютъ соломою. Нары устроены кругомъ юрты между печами и покрыты цыновками. Въ юртѣ помѣщается обыкновенно нѣсколько семействъ и нерѣдко до 20 душъ. Тутъ же содержатся собаки, одежда, посуда, рыбій жиръ и нерпечье масло. Воздухъ въ юртѣ очень тяжелый и распространяетъ сильное зловоніе. Когда кто пріѣзжаетъ, ему отводятъ мѣсто, гдѣ держатъ собакъ, для которыхъ устроено въ юртѣ особое помѣщеніе, чего сахалинскіе гиляки не дѣлаютъ.

Занятія гиляковъ, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточены на звѣриномъ промыслѣ, заключающемся преимущественно въ ловлѣ соболей. Охота же за лисицами, выдрами и другими звѣрями бываетъ только случайная. Для ловли соболей, они отправляются, съ первымъ снѣгомъ, внутрь острова, избирая для своего промысла такія мѣста, гдѣ въ падяхъ, между горными хребтами, протекаетъ рѣчка. Поперекъ рѣчки устраиваютъ узкій проходъ, на которомъ ставятъ ловушку, съ кускомъ юкулы, или же свѣжей рыбы. Такихъ ловушекъ иной гилякъ заготовляетъ до сотни, разставляя ихъ въ разныхъ мѣстахъ на большомъ пространствѣ и въ различныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ. Соболь имѣетъ привычку переходить отъ одного хребта до другаго; встрѣчая рѣчку и на ней удобный для себя проходъ, на которомъ въ добавокъ видитъ для себя поживу, попадается въ ловушку. На такую охоту, продолжающуюся обыкновенно всю зиму, гиляки берутъ съ собою малыхъ гиляченковъ, чтобы пріучить ихъ съ дѣтства къ этому промыслу. Для своего зимовья, которое приходится ему перемѣнять иногда нѣсколько разъ, въ случаѣ неудачной охоты, гилякъ строитъ для себя юрту, на скорую руку, самую непрочную и невыгодную, изъ пихтовыхъ или еловыхъ вѣтвей. Весною, гиляки охотятся еще на тюленей, которыхъ на Сахалинѣ называютъ нерпами. Охота на нихъ очень проста: она состоитъ въ ударѣ по головѣ нерпы, вышедшей на льдину подышать воздухомъ.

Рыбною ловлею занимаются гиляки круглый годъ, особенно же лѣтомъ ловятъ киту для приготовленія изъ нея юкулы, посредствомъ вяленія на открытомъ воздухѣ. Юкула эта составляетъ для нихъ ежедневную пищу, ею же кормятъ и собакъ своихъ, которыхъ каждый гилякъ имѣетъ отъ 7 до 13-ти. Собака для гиляка необходима въ такой степени, въ какой необходимъ олень для тунгуза. Безъ собаки гилякъ умеръ бы съ голоду; на нихъ отправляется онъ въ нартѣ зимою, въ отдаленные пункты острова, для ловли рыбы, на нихъ ѣздятъ въ постъ Дуэ, для заготовленія провизіи и всего ему необходимаго; собаки же, въ случаѣ крайности, служатъ для него и пищею. Поэтому-то одинъ изъ знакомыхъ мнѣ гиляковъ (Батшино), на счетъ собакъ, выразился такъ русскимъ ломанымъ языкомъ: «Собакъ умри и гилякъ умри».

Всѣ гиляки вообще язычники, за исключеніемъ весьма немногихъ,

принявшихъ христіанство. Шамановъ у нихъ нѣтъ, какъ равно и другихъ какихъ либо лицъ, занимающихся исключительно религіозными обрядами. Они поклоняются медвѣдю, т. е. чтятъ его какъ божество, и одинъ разъ въ годъ празднуютъ такъ называемое «Убіеніе медвѣдя». Праздникъ этотъ бываетъ всегда передъ началомъ весны, не придерживаясь впрочемъ одного и того же времени; его празднуютъ въ одномъ году раньше, въ другомъ позже. Иногда празднуютъ вскорѣ послѣ нашего новаго года, но чаще всего въ февралѣ мѣсяцѣ. Праздникъ устраивается обыкновенно у одного изъ почетнѣйшихъ туземцевъ, у котораго находится уже заранѣе подготовленная для праздника жертва. Къ нему собирается нѣсколько гилякскихъ семействъ, изъ отдаленныхъ мѣстъ острова, которыя привозятъ съ собою съѣстные припасы и водку.

Въ виду предстоящаго каждый годъ праздника «Убіенія медвѣдя», стараются заблаговременно поймать медвѣженка, котораго кормятъ годъ, а иногда и два, держа въ юртѣ привязаннымъ на цѣпи. Въ назначенный для праздника день, приготовляютъ нѣсколько различныхъ яствъ, въ числѣ которыхъ находится одно блюдо, похожее на желе, украшенное разными ягодами, какъ-то: клюквою, брусникою, рябиною и пр., чтобы этими яствами, въ послѣдній разъ, какъ бы на прощаніе, угостить медвѣдя. Передъ юртою, на площадкѣ, избранной для предстоящей церемоніи, вкапываютъ два столба, въ разстояніи другъ отъ друга неболѣе трехъ аршинъ и кругомъ обставляютъ елками. Между тѣмъ въ юртѣ украшаютъ медвѣдя разноцвѣтными бумажками, лоскутками матеріи, а иногда и зеленью, добытою изъ подъ снѣга. Все это дѣлается сообща. Затѣмъ разукрашеннаго медвѣдя выводятъ всею толпою изъ юрты на площадь и привязываютъ между двухъ столбовъ, двумя цѣпями, прикрѣпленными по обѣимъ сторонамъ намордника. Одинъ изъ гиляковъ, самый ловкій, избранный для совершенія обряда, подаетъ медвѣдю на длинной палкѣ, всѣ по очереди, приготовленныя яства, до которыхъ тотъ не дотронется, бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ шумною толпою (тутъ присутствуютъ мужчины, женщины и дѣти), старающеюся какъ можно болѣе раздразнить медвѣдя разными жестами и крикомъ. Такое подчиваніе и такой шумъ и крикъ продолжаются довольно долго. Когда медвѣдь начнетъ уже крѣпко злиться, его отвязываютъ отъ столбовъ и обводятъ нѣсколько разъ кругомъ площадки, въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ, съ пѣснями, крикомъ и даже музыкою, состоящею изъ учащенныхъ ударовъ палкою по какому нибудь металлическому предмету, или просто о палку. Послѣ этой процесіи, женщины и дѣти удаляются въ юрту; медвѣдя опять привязываютъ между столбовъ. Избранный гилякъ, вооружаясь лукомъ и отойдя отъ медвѣдя на 20 и болѣе шаговъ, пускаетъ мимо его нѣсколько стрѣлъ, которыя, пролетая вблизи самой головы медвѣдя, своимъ свистомъ раздражаютъ его, и наконецъ приводятъ въ совершенную ярость, причемъ, вставая на дыбы, онъ страшно реветъ. Тогда гилякъ подступаетъ къ нему на два шага, и почти въ упоръ убиваетъ, попадая стрѣлою въ сердце. Когда медвѣдь испуститъ послѣднее дыханіе, то убившій его гилякъ и за тѣмъ остальные

падаютъ ницъ на трупъ медвѣдя и лежа начинаютъ рыдать, произнося при томъ шепотомъ какія-то молитвы. Моленіе продолжается не долго. За тѣмъ гиляки поднимаются на ноги, берутъ трупъ, волочатъ нѣсколько разъ кругомъ площадки, а оттуда несутъ въ юрту, гдѣ тотчасъ же отдѣляютъ отъ туловища голову, а черепъ, покрытый кожею, вѣшаютъ на гвоздѣ въ юртѣ. Черепъ этотъ составляетъ для гиляковъ боготворимый предметъ. За тѣмъ въ мигъ снимаютъ кожу и раздѣленное на куски мясо варятъ и жарятъ. Начинается общій пиръ, продолжающійся до тѣхъ поръ, пока не останется ни куска мяса отъ виновника этого празднества. Пиръ продолжается обыкновенно два, три дня, но иногда длится болѣе недѣли: это зависитъ отъ запаса съѣстныхъ припасовъ и водки, привезенныхъ посторонними семействами для праздника. Пиршество сопровождается еще единоборствомъ между собою и скачками на собакахъ.

Холостой гилякъ, желающій обзавестись собственнымъ семействомъ, обязанъ непремѣнно украсть для себя жену, хотя такое похищеніе дѣлается почти всегда съ вѣдома родителей невѣсты и по согласію съ невѣстою. Въ процесѣ похищенія заключается весь обрядъ бракосочетанія, послѣ котораго мужъ везетъ для родителей жены какой нибудь подарокъ, состоящій большею частью изъ орудія, необходимаго для звѣринаго или рыбнаго промысла. Случается не рѣдко, что гилякъ похищаетъ чужую жену, тогда мужъ жалуется начальнику поста, который заставляетъ похитителя возвратить чужую собственность, не подвергая за то виновнаго взысканію.

Умершихъ зарываютъ въ землю не глубоко; иногда даже оставляютъ на поверхности земли, на какомъ нибудь возвышенномъ мѣстѣ, въ кустарникахъ, прикрывая гробъ вѣтвями деревьевъ, мохомъ и травою. На такой могилѣ ставятъ его нарту и кладутъ нѣкоторые предметы изъ домашней рухляди. Гробъ дѣлаютъ изъ цѣльнаго дерева, выдалбывая его въ видѣ глубокаго корыта; покрышки нѣтъ. Тѣло покойника хоронятъ по истеченіи мѣсяца послѣ смерти; на это время помѣщается оно въ пустой юртѣ, куда приходятъ прощаться съ нимъ родные и знакомые. Члены семейства, въ продолженіе этого мѣсяца, выражаютъ свою печаль тѣмъ, что женщины расплетаютъ свои косы, а мужчины отрѣзываютъ отъ своихъ косъ незначительную часть волосъ.

Гиляки не позволяютъ выносить огонь изъ нарты, что служило нѣсколько разъ поводомъ ссоръ и столкновеній съ русскими, при первоначальныхъ съ ними сношеніяхъ. Всѣ вообще гиляки, какъ при посѣщеніяхъ ихъ юртъ русскими, такъ и при мѣновой съ ними сдѣлкѣ, постоянно просятъ «пай», т. е. подарка.

Въ оригинальной формѣ выражается гостепріимство гиляковъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда гилякъ друженъ съ другимъ гилякомъ. Пришедшій въ гости гилякъ, просидѣвъ нѣкоторое время молча и покуривая изъ своей гамзы, величиною въ наперстокъ, крѣпкій манджурскій табакъ, приглашается хозяиномъ положить голову на его колѣна. Хозяинъ, расплетя косу на головѣ гостя, легонько начинаетъ ее ще-

котать. Пальцы начинають у него двигаться быстрѣе и, съ каждымъ перехватомъ пряди волосъ, достаетъ насѣкомыхъ, которыми хозяинъ съ наслажденіемъ лакомится.

4. Въ южной полосѣ острова Сахалина, такъ называемой «Анива», живетъ племя, какъ кажется отличное отъ прочихъ туземцевъ. Племя это называется айно [1]), или аинцы; они населяютъ берега острова и живутъ по окраинамъ большихъ рѣчекъ внутри, распространяясь только до селенія Тарайки, расположеннаго на восточномъ берегу острова, надъ заливомъ Терпѣнія, въ 20 верстахъ отъ русскаго поста Тихменевскаго. Дальше этого пунтка они не распространяются къ сѣверу. Собранныя мною свѣдѣнія объ этомъ племени не совсѣмъ еще полны.

Не прошло еще и ста лѣтъ съ того времени, когда айно были свободнымъ племенемъ; нынѣ же они находятся въ полной зависимости отъ японцевъ, которыхъ колоніи находятся среди аинскихъ поселеній, гдѣ живетъ даже и японскій губернаторъ (въ Кассунъ Катанъ). Эти то аинцы получаютъ отъ японскаго правительства одежду и даже продовольствіе.

Аинцы средняго тѣлосложенія; ростъ ихъ рѣдко превышаетъ 2 арш. 3 верш.; лицо смуглое, округленное, довольно правильное; скулы выдаются гораздо меньше, нежели у гиляковъ и орочей, и вообще черты лица напоминаютъ скорѣе типъ европейскій, нежели монгольскій. Глаза небольшіе, темные, не узкіе и не косые, довольно даже выразительные. Волоса на головѣ черные; усы и борода довольно густые, длинные; губы не такъ толсты, какъ у прочихъ туземцевъ. Женщины очень некрасивы: малаго роста, лицо одутловое, круглое; волосы носятъ короткіе, остриженные въ кружокъ. Каждая аинка краситъ обѣ губы синею краскою. Въ племени этомъ замѣчается та особенность во 1-хъ, что всѣ аинцы похожи лицомъ другъ на друга, и во 2-хъ, что между аинцами, живущими сѣвернѣе, какъ напр. въ Тарайкѣ и вблизи ея, и поселенными на самой южной окраинѣ острова, замѣчается разница, какъ въ тѣлосложеніи, такъ и въ нравственныхъ качествахъ. Сѣверные—бодрѣе, развитѣе и болѣе самостоятельны, нежели южные, которые по большей части бываютъ тщедушные и при томъ замѣчается въ нихъ полное отсутствіе самостоятельности.

Аинцы живутъ въ юртахъ, имѣющихъ четыреугольную форму, которыхъ постройка очень простая. Вбиваютъ въ землю четыре жерди, въ разстояніи одна отъ другой около 8-ми арш. и болѣе, промежутки которыхъ, на подобіе плетня, сплетаются изъ сухой осоки, — что составляетъ стѣны, въ которыхъ нѣтъ отверстій для оконъ. Крыша сдѣлана изъ той же травы (осоки); полъ деревянный; потолка нѣтъ. Очага не устроиваютъ, а посрединѣ юрты весь почти день горитъ костеръ, дымъ изъ котораго выходитъ наружу сквозь отверстіе, сдѣланное въ крышѣ, а отчасти чрезъ входную дверь. Вокругъ юрты устроены нары въ $\frac{1}{4}$ арш. надъ землею; онѣ покрыты цыновками, сдѣланными изъ крапивы

[1]) «Айно» на ихъ языкѣ значитъ «человѣкъ».

(Urtica cannabina). Въ юртахъ у нихъ довольно чисто, выметено, прибрано; все крошечное ихъ имущество, состоящее обыкновенно изъ цыновокъ и котелка, сложено въ порядкѣ; но каждая юрта переполнена клопами, блохами и другими паразитами.

Одежду аинцевъ составляетъ такой же полукафтанъ, какъ и у прочихъ туземцевъ, но сдѣланный у однихъ изъ нерпечьей кожи, у другихъ изъ толстой японской матеріи. Мужчины носятъ мѣдныя серьги въ ушахъ.

Всѣ вообще аинцы кроткаго нрава, смирные, почтительные и услужливые, живутъ между собою согласно и очень любятъ табакъ и вино. Мужчины равнодушны къ семейной жизни и совершенно не заботятся почти о своемъ семействѣ: женщина, какъ для прокормленія себя, такъ и своихъ дѣтей, должна сама ловить рыбу, единственную почти у нихъ пищу, которою исключительно всю зиму питается вся семья и которою кормятъ своихъ собакъ. Для заготовленія на зиму рыбы, селятся вблизи рѣчекъ по двѣ и по три семьи и общими силами приготовляютъ юкулу, посредствомъ вяленія рыбы на открытомъ воздухѣ. Женщины, за исключеніемъ занятій внѣ юрты, по цѣлымъ почти днямъ сидятъ у костра, посреди юрты и работаютъ что нибудь, покуривая трубку. Мужчины же большею частію работаютъ у японцевъ, уплачивая трудомъ своимъ за выпитое у нихъ вино (саки), которое выдѣлываютъ изъ риса.

Аинцы садятся на полъ, поджавъ ноги или складывая ихъ крестообразно. Привѣтствованіе другъ друга и постороннихъ лицъ заключается въ слѣдующемъ: айно, наклонивъ немного голову впередъ, приподнимаетъ вверхъ обѣ руки, обращенныя ладонями къ лицу; за тѣмъ распростертыми пальцами медлено ведетъ по бородѣ, глядя прямо въ глаза тому, кого онъ привѣтствуетъ. Такая манипуляція повторяется нѣсколько разъ и тѣмъ дольше, если привѣтствуемое лицо пользуется извѣстнымъ у нихъ почетомъ.

Занятія аинцевъ заключаются какъ въ охотѣ, такъ и рыбной ловлѣ, но они по преимуществу всѣ рыболовы. Огнестрѣльнаго оружія у нихъ нѣтъ, а для своей охоты употребляютъ стрѣлы, копье и саблю. Соболей не добываютъ, подобно гилякамъ, посредствомъ ловушекъ, а убиваютъ ихъ стрѣлами. Что же касается рыболовства, то предоставляя по большей части своимъ женамъ заботу добывать рыбу для своего продовольствія и въ запасъ на зиму, сами занимаются преимущественно ловлею сельдей, которыхъ несмѣтныя массы появляются у береговъ Анивы, въ началѣ мая, а иногда и подъ конецъ апрѣля. Изъ сельдей вывариваютъ жиръ, а остатки рыбы употебляются японцами для удобренія полей.

Аинцы поклоняются какому-то миѳическому божеству, называемому «Камои», въ честь катораго сожигаются громадные костры, какъ по берегамъ острова, такъ и внутри его, на площадкахъ (подумкахъ), между горными хребтами. Сожженные костры въ присутствіи нѣсколькихъ семействъ составляютъ весь ихъ религіозный обрядъ, исполняемый лѣтомъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что аинцы очень трудолюбивы, и между ними есть много способныхъ работниковъ; жаль только, что это

несчастное племя, порабощенное японцами, годъ за годомъ уменьшается, т. е. вымираетъ.

Сообщивъ краткія свѣдѣнія о постѣ Дуэ, касающіяся его заселенія и сношеній съ инородцами, не тронутъ мною еще вопросъ объ окружающей его природѣ, такъ какъ предметъ этотъ есть чисто научный. Для него имѣется уже подъ рукою готовые матеріалы, собранные мною на мѣстѣ; но обработка ихъ требуетъ довольно продолжительнаго времени. а самый трудъ—болѣе удобныхъ условій.

Въ окрестностяхъ поста Дуэ, въ промежутокъ времени, отъ 20 апрѣля по 9 іюня 1872 года, собрано мною до 200 растительныхъ видовъ, въ числѣ около 2000 экземпляровъ, принадлежащихъ мѣстной флорѣ; кромѣ того собраны мною и водоросли Татарскаго пролива. Во время же пути на островъ Сахалинъ (отъ 15-го іюня по 7-е сентября 1872 г.) и на обратномъ слѣдованіи въ Россію,—на всемъ протяженіи дороги я прослѣдилъ флоры: Западной и Восточной Сибири, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую, составляя замѣтки о распространеніи и сгруппированіи естественныхъ семействъ, при чемъ собрано мною, дорогою же, нѣсколько тысячь экземпляровъ растеній изъ разныхъ семействъ. Растенія эти не приведены еще въ систематическій порядокъ; нѣкоторые растительные виды требуютъ опредѣленія, такъ какъ не было у меня подъ рукою необходимыхъ руководствъ для этого; въ отдѣлѣ же Иркутскаго Географическаго Общества не посчастливилось мнѣ, при всѣхъ усиліяхъ, позаимствоваться на время даже флорою Ледебура. Поэтому свѣдѣнія о постѣ Дуэ я долженъ окончить, сказавъ лишь нѣсколько словъ о Сахалинской флорѣ, продолжительность которой въ окрестностяхъ поста Дуэ ограничивается четырьмя только мѣсяцами въ году, а именно — промежуткомъ между послѣдними числами апрѣля и началомъ сентября.

Въ средней полосѣ Сахалина, гдѣ находится постъ Дуэ, весна начинается очень поздно. Во многихъ мѣстахъ лежатъ снѣга до начала мая, а въ половинѣ этого мѣсяца не видно еще ни одной развившейся почки на деревьяхъ, принадлежащихъ къ лиственнымъ породамъ. Собственно же растительность начинается въ послѣднихъ числахъ апрѣля: первымъ разцвѣтающимъ растеніемъ бываетъ Petasites japonicus L. изъ семейства сложноцвѣтныхъ (Compositae), котораго блѣдножелтоватый цвѣтокъ, въ видѣ султанчика, около 20 апрѣля только начинаетъ пробиваться сквозь замерзлую, глинисто-песчаную, почву, по краямъ рѣчекъ, ручьевъ и на всемъ пространствѣ окрестныхъ низменностей.— Ровно черезъ 10 дней разцвѣтаютъ еще два растенія Lysichitum kamtschaticum Schott, изъ семейства Araceae и Corydalis ambigua var. Sachalinensis Cham. изъ семейства Fumariaceae. Около 5-го мая цвѣтетъ въ лѣсу, на скалистыхъ горныхъ хребтахъ Adonis Amurensis Reg. изъ семейст. лютиковыхъ (Ranunculaceae), а въ кустарникахъ Anemone gracilis n. sp. Кромѣ того, на открытыхъ горныхъ мѣстахъ кое-гдѣ начинаетъ появляться Potentilla (изъ сем. Rosaceae), а на болотахъ: Caltha palustris α typica, Chrysosplenium alternifolium и Cardamine Regeliana Miq. Въ по-

слѣдующіе за тѣмъ дни, до 15 мая, найдено мною около десяти цвѣтущихъ растеній, въ числѣ которыхъ два вида фіялки (Viola) и видъ Corydalis, не встрѣчаемый въ Россіи, а именно Corydalis aurae W. — Красивое это растеніе стелется по землѣ, покрывая собою значительныя пространства обнаженныхъ горъ, которыхъ почва бываетъ глинистая и твердая. Съ половины мая растительность начинаетъ развиваться очень быстро, такъ что до конца мѣсяца я успѣлъ собрать около 110 различныхъ растительныхъ видовъ, большая часть которыхъ относится исключительно къ Сахалинской флорѣ. Изъ числа такихъ растеній, замѣчательны по своей рѣдкости и красотѣ своихъ цвѣтковъ слѣдующія:

1) Изъ семейства Лютиковыхъ (Ranunculaceae): Aquilegia fl bellata Sieb., Atragene platysepala Trautv., Anemone flaccida (n. sp.), Anemone gracilis (n. sp.), Coptis trifoliata Salisb.

2) Изъ семейства Барбарисовыхъ (Berberideae): Diphylleja Grayi (n. sp.).

3) Изъ семейства Крестоцвѣтныхъ (Cruciferae): Arabis Stelleri Dl., Arabis petrea Lam.

4) Изъ семейства Фіялковыхъ (Violarieae): Viola umbrosa Fr.

5) Изъ семейства Siloneae: Elisanthe Sachalinensis (n. sp.).

6) Изъ семейства Alsineae: Möhringia lateriflora Fzl., Stellaria borealis β corollina Fzl.

7) Изъ семейства Geraniaceae: Geranium erianthum Dl.

8) Изъ семейства Papilionaceae: Thermopsis fabacea. Pall.

9) Изъ семейства Rosaceae: Spiraea confusa Rgl.

10) Изъ семейства Ribesiaceae: Ribes affine var. sachalinensis Bung.

11) Изъ семейства Compositae: Scorzonerra radiata Fisch., Taraxacum ceratophorum Dl.

12) Изъ семейства Vaccinieae: Vaccinium ovalifolium Sm. Vaccinium praestans Lam.

13) Изъ семейства Primulaceae: Cortusa Mathioli L.

14) Изъ семейства Gentianeae: Gentiana triflora Pall.

15) Изъ семейства Scrophulariaceae: Veronica Schimdtiana Regel.

16) Изъ семейства Aristolochieae: Asarum heterotropoides n. sp.

17) Изъ семейства Araceae: Simplocarpus foetidus Salisb.

18) Изъ семейства Orchideae: Orchis aristata Fisch., Orchis kamtschatica Cham., Cypripedium macranthum Sw., Cypripedium Calceolus (fl. incip.) L., Cypripedium guttatum Sw.

19) Изъ семейства Smilaceae: Polygonatum Maximowiczii n. s., Paris hexaphylla Cham., Asteranthemum dahuricum Kth., Trillium obvatum Pursch., Convallaria majalis L.

20) Изъ семейства Liliaceae: Gagea triflora R. et Sch., Gagea lutea R. et Sch. Fritillaria kamtschatensis Gawl., Allium Victorialis L.

При такомъ замѣтномъ стремленіи природы къ воспроизведенію, въ первыхъ уже числахъ, іюня растительность достигаетъ почти полнаго своего развитія, и небогатая численностію растительныхъ видовъ Сахалинская флора становится очень значительною, по особенностямъ нѣкоторыхъ древесныхъ и растительныхъ породъ. Такъ напримѣръ: изъ

числа древесныхъ породъ цвѣтутъ въ это время, на возвышенныхъ мѣстахъ два вида клена: Acer spicatum var. ukurunduense Max. и Acer Morio Max., изъ семейства (Acerin ae), замѣчательные своею стройностію и яркою зеленью красивыхъ листьевъ, которая замѣтно обрисовывается на темномъ фонѣ пасмурной пихты, рядомъ съ которою растутъ эти деревья.—На тѣхъ же возвышеніяхъ, среди кустарниковъ, замѣчаются: Lonicera Chamissoi, Lonicera chrysantha Turcz. и Lonicera Glehnin, sp. изъ семейства Caprifoliaceae, которыхъ цвѣтки только что начинаютъ развиваться.—На низменныхъ же мѣстахъ найдено мною нѣсколько замѣчательныхъ папоротниковъ (мною неопредѣленныхъ), въ числѣ которыхъ находится красивый Osmunda cinammomea, въ полномъ своемъ развитіи; онъ растетъ небольшими группами на болотистыхъ мѣстахъ въ пади около поста Дуэ Изъ числа явнобрачныхъ растеній, въ это время начинаетъ цвѣсти Corydalis gigantea Trautv. изъ семейства Fumariaceae, видъ замѣчательный своимъ огромнымъ ростомъ (около 2 аршинъ). Растеніе это сплошными группами окружаетъ основанія горъ, придерживаясь постоянно ручейковъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ встрѣчается съ двумя другими видами изъ семейства крестоцвѣтныхъ: Dentaria macrophylla W и Dentaria dasyloba Turcz., съ которыми по сосѣдству въ одно время цвѣтетъ.—Красивые піоны (Paconia obovata Max.), разбросанные по склонамъ высокихъ горъ, выдвинувъ свои шарообразные, пурпуровые вѣнчики, надъ окружающею растительностію, болѣе всѣхъ, присутствіемъ своимъ, оживляютъ уединенную мѣстность между горными хребтами. Въ это время оживляется даже и безжизненныя скалы: онѣ издали кажутся украшенными какъ бы гирляндами золотистаго цвѣта,—что зависитъ отъ громаднаго количества раздвѣвшаго вполнѣ растенія Sedum Rhodiola Dl. (семейство Crassulaceae), выходящаго изъ трещинъ скалы, гдѣ оно, находя для своего питанія весьма незначительное количество влаги, разростается однакоже по всѣмъ направленіямъ на поверхности скалъ, представляя собою очень сочное растеніе. Однимъ словомъ, этотъ періодъ развитія общей растительности въ окрестностяхъ поста Дуэ обозначаетъ полную весну, которую празднуетъ природа, хотя и кратковременно, на этомъ пустынномъ островѣ! Дальнѣйшія наблюденія за послѣдовательнымъ развитіемъ Сахалинской флоры были окончательно прерваны отбытіемъ моимъ изъ поста Дуэ 9-го іюня 1872 года.

Ѳ. Августиновичъ.

С. Петербургъ.

1873 года 21 февраля.

2007099333